

КСЕНИЯ ОСЕННЯЯ

ВО ИМЯ СТИХИЙ
ИЗГОИ

18+

Ксения Осенняя

Изгой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73367118
SelfPub; 2026*

Аннотация

В мире четырех стихий живут полузвери всех мастей. Но Хорунна рождается не такой, как остальные: она девушка-серна с телом, которое вызывает страх и отвращение. Таких, как она, называют помесями, ошибками, уродами.

В царстве Земли нарастает фанатизм: жрецы богини объявляют войну всякому различию рас. А для «уродки» вроде Хорунны и ее опозоренной семьи места в обществе и вовсе не остается.

Когда жрец Земли Фергилий решает лишить их цеха и дома, Хорунне предстоит сделать то, чего от нее никто не ждал. Встать на защиту семьи и цеха, пойти на сделку со злом и бросить вызов самому городу.

Потому что ее жизнь – не ошибка. А тело – ключ к тайне, способной перевернуть все.

Содержание

Расы	4
Пролог	7
Глава 1. Зов Земли	9
Глава 2. Сукновальня	19
Глава 3. Сластолюбцы из стойла	36
Глава 4. Жрец и жрица	56
Глава 5. Сарай	94
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Изгой

Расы

КОПЫТНЫЕ – полужвери-копытные (конь, олень, баран и т. д.)

раса Земли

НОРНЫЕ – полужвери-ежи, кроты, землеройки, броненосцы

раса Земли

ПАНЦИРНЫЕ – полужвери-скорпионы, раки, пауки
некоторые – раса Земли, некоторые – раса Воды

ЧЕРВИ – полужвери-черви, пиявки

некоторые – раса Земли, некоторые – раса Воды

ХИЩНИКИ – полужвери-хищники (львы, волки, медведи, куницы и т. д.)

НАСЕКОМЫЕ – полужвери-насекомые (стрекозы, муравьи, богомолы и т. д.)

Летающие – раса Ветра, только ползающие – раса Земли.

ОБЕЗЬЯНЫ – полузвери-приматы

ГРЫЗУНЫ – полузвери-грызуны (мыши, белки, зайцы и т. д.)

КОЖИСТЫЕ – полузвери-рептилии, амфибии, пресмыкающиеся (лягушки, змеи, ящерицы, черепахи и т. д.)

раса Воды

МОРЯНЫ – полузвери водные млекопитающие (дельфины, киты, касатки, тюлени, моржи)

раса Воды

РЫБЫ – полузвери-рыбы

раса Воды

ДОННЫЕ – полузвери-моллюски и иглокожие (осьминоги, улитки, морские ежи, кораллы, морские звезды).

раса Воды

ПТИЦЫ – полузвери-птицы (совы, ласточки, пингвины, страусы)

раса Ветра

ПЛАМЕННИКИ – огненные полузвери (саламандры, фе-

никсы, драконы, огненные кони).

раса Огня

Пролог

Каждый полузверь с пеленок знает: все в мире происходит по воле богов стихий, хранителей четырех краев света. Дитя-Ветер обитает на востоке, царь-Огонь властвует на юге, дева-Вода облюбовала запад, а Земля, великая Матерь, защищает север.

Еще каждый знает, что его народ находится под покровительством одной из стихий. Рыб, осьминогов и змей защищает Вода. Оленей, пауков, кротов – Земля. Птиц и летающих насекомых – Ветер. Драконов, саламандр, фениксов – огонь.

Есть и такие народы, над которыми властвуют все стихии сразу. Это хищники, обезьяны, грызуны.

Четыре исполинских царства раскинулись на пол-земли. Они окружили центр мира – бескрайнее море, нареченное Великим Ковшом. Но еще несколько сотен лет назад царств стихий не существовало. Мир был раздроблен на бесконечное множество мелких клочков земли для каждого из народов полузверей.

Мудрецы мира создали царства четырех стихий во имя единства народов, чтобы прекратить бесконечные межрасовые распри. Здесь все должны были жить, как равные. Любому полузверю обещалось место под солнцем.

Их создали во благо. Но на благо здесь могли рассчиты-

вать только те, кто соглашался беспрекословно чтить заветы своего царства и стихии. Воцарился Порядок – насколько он оказался хрупок, настолько же и обманчив.

Глава 1. Зов Земли

«Вот и пришел конец. Что у меня осталось в этой поганой жизни? Моя семья давно опозорена. “Скверный род” – так нас называют. Мы будем нести это клеймо до четвертого колена. Так не лучше ли прервать гнилой род на себе? Мать прокляла меня, когда я родилась. Отец предал нас всех. Самый дорогой член семьи убит – и никто точно не знает, как и кем. А сейчас у меня пришли отнять последнее – смысл жизни. Ты один знаешь, что для меня это значит. Ты один знаешь про меня все. Как же я докатилась до такого мрака? Я расскажу тебе – как всегда. Ты узнаешь, как начался один из самых ужасных дней – помимо моего рождения, разумеется. День, навсегда исказивший мою и без того изуродованную судьбу».

Хорунна из семьи Квинта еще с полчаса нервно царапала на куске бересты сокровенное признание. Закончив, она любовно оглядела письмо, подула на чернила.

Но в следующий же миг Хорунна схватилась за нож. Несколько рывков лезвия – и береста рассеклась в клочья.

Хорунна ночевала в спальне – если так можно было назвать суконный склад. С трудом проснувшись, она не сразу поняла, что в комнате не одна. Что-то заставило ее резко распахнуть глаза.

В свете едва начавшегося утра ее бесстыже разглядывали две пары глаз. У постели стояли мальчуганы. Один из народа рысей – рыжий, лохматый. Его кошачьи уши кончались растрепанными кисточками. Песочная кожа на лице и руках рябила от темных пятнышек.

Другой из народа мотыльков – бледный, с болезненными тенями под здоровенными глазами. Из его лба торчали длинные усики, похожие две крупные расчески. За спиной у мальчика бледнели крылья мотылька.

– Волосы уродки порчу наводят! Сестре в еду подсыплю, – радостно прошепелявил рыжий.

Переполненный счастьем, он растянул рот в беззубой улыбке. Рука мальчугана гордо показала Хорунне добычу: ее собственную прядь волос. Успел срезать, пока она спала.

– Какого... – могла только пробормотать возмущенная Хорунна. Она все еще не понимала, спит ли или уже проснулась. И как долго эти оборванцы здесь таились?

– А правду говорят, что мамка твоя – грешница? И за это дух скверны когтем ей брюхо вспорол и посадил туда ядови-

тое семечко? И так получилась ты? – заговорил второй мальчик, унылый и не по годам серьезный.

– А правда, что, когда мимо идешь, у скотины молоко в вымени скисает? А женщины младенцев из животов выкидывают? – заворожено шепелявил рыжий.

– Кто несет эту чушь? – сонно пробормотала Хорунна, протирая глаза.

– Матушка моя! – гордо заявил рысеныш.

– Матушка твоя – дура набитая. Не слушай ее больше, – проворчала она.

Хорунна встала с постели, не слушая, как мальчишки продолжали травить байки. Наверное, сынки кого-то из работников цеха. Ну и получают же их родители!

– Хворостину бы взять покрепче да лупануть вас обоих! Раз матери ваши раньше не удосужились, – тихо, но грозно рявкнула Хорунна.

Мальцы с писком кинулись врассыпную, но она успела поймать за руку рыжего.

– А ну отвечай, кто таков! Как сюда попал. И зачем у честных горожан в покоях поджидаешь!

– Это ты-то честная? – гоготнул бесстрашный мальчуган. В хватке Хорунны он извивался, как уж, пытаясь высвободиться. – Да ты вообще невесть кто! Неведомая зверушка!

Хорунна попыталась перевести уколвшую тему:

– Здесь серьезный цех, а не балаган какой-то! Уважьте хотя бы сукно. Дело уважьте! Сами без толку шатаетесь – так

хоть дайте занятому полузверю перед работой отдохнуть!

– Пошли отсюда, совсем она не страшная. Даже унылая, – разочарованно протянул бледный. Он остановился вдали длинного склада, рядом с высокими стопками сукна. – Видно, врут все про нее. И даже волосня ее в порче не поможет.

Мальчик из мотыльков с досадой швырнул на пол каштановую прядь – видно, и себе успел отчикать.

– А ну пшли вон, мелкие поганцы! – разрываясь между оскорбленностью и гневом, закричала Хорунна. Детвора выбежала за дверь, которая почему-то оказалась не закрыта на засов. – Проходной двор какой-то.

От сна не осталось и следа. Успокаиваясь, Хорунна тяжело выдохнула. Она осталась одна – ну, почти.

Хорунна обернулась к постели:

– А ты чего развалилась? Подъем! – Она подтолкнула копытом что-то, мирно сопящее под одеялом. Жалобно проблеяв, из постели выпрыгнула здоровая горная коза. Хорунна часто спала со своей серной, чтобы согреться. Склад был длинный, большой – даже очаг не протапливал толком.

– Другие тотемные звери хозяевам помогают, уберечь стараются! А ты? Ко мне в покои невесть кто врывается – а тебе лишь бы дрыхнуть! Только на грелку годна! – злилась Хорунна.

На лбу серны белел знак предков – с таким рождались все тотемные звери. Таких с обычными не спутаешь.

Каждый хозяин сам давал имя тотемному зверю. Хорун-

на сызмала спала рядом с серной. И, недолго думая, так ее и называла – Грелкой. Потому что греться Хорунне больше было не о кого.

Последний месяц Хорунна делала все, чтобы забыться. К ночи она замертво валилась спать, не видя снов. Утром соскребала ноющие кости с постели и отправлялась проверять сукно. На работу Хорунна приходила раньше всех, а уходила последняя.

Спину ломило от изнурительного труда. От тяжелой работы каждый мускул горел, но с каким-то ликованием. Хорунна любила эту боль – так лучше забывались беды. Или она просто так себя наказывала?

Этот день обещал стать таким же рутинным и трудным. Но с самого утра все пошло наперекосяк.

Каменная сукновальня врезалась прямо в Ларец-гору. Поэтому одна из стен цеха была просто голой скалой. Так в Глыби строили многие, у кого дома подступали к горе.

Строители даже не постарались сколоть скалу поровнее. Ее бороздили то выступы, то выемки. Она походила на черную смятую бумагу. Но хоть щели строители хорошо заделали.

Все удобства Хорунны ютились у растянутого окна. Ящики были сколочены в широкую кровать. Колючее шерстяное покрывало украшал узор в виде чертополоха – Хорунна вышила его сама. Высокое, во весь рост зеркало закрывало полотно – Хорунна ненавидела, когда ее отражение случайно

попадалось на глаза.

Полы вокруг кровати устилала сермяга. Под окном стояла пара увесистых сундуков с одеждой и ценностями. Лавка вдоль стены, узкий стол, ночное ведро, кадка с водой – умыться. Вот и все убранство. Ну и на другой половине склада хранилось суконное добро – не пропадать же месту. К счастью, удобства и телесные радости Хорунну совершенно не волновали.

Из всей семьи участь жить в цеху досталась только Хорунне. Она не винила родню. На месте близких с такой, как она, Хорунна поступила бы еще хуже.

До конца она свое положение не понимала. Владельцы сукновального цеха – семья Квинта – были зажиточны, но слава о них ходила сомнительная. Хорунна одевалась в сукно и батист, меха и хорошую кожу, но жила на складе с самыми простыми удобствами.

Хорунна надела три слоя одежды, а на месте груди насовала соломы и тряпок. Пусть теперь она смотрелась как капуста, но худой показываться народу стыдилась – не по заветам. Суконные штаны итак всегда на Хорунне – их она не снимала даже ночью.

Она принадлежала к народу серн из расы копытных. Во всяком случае, условно. Как и шерсть у серн, волосы Хорунны тускнели к зиме, а весной наливалась цветом сосновой шишки.

Хорунна заплела короткую косу – постаралась справиться

без зеркала, чтобы лишний раз в него не смотреться. Волосы обошли рога, похожие на гнутые вилы.

Ненароком Хорунна коснулась свинцового кольца, сковавшего рог, и погрузилась. Сколько лет прошло – а позорное кольцо, которым отмечали преступников, каждый раз тяготило, как в первый день.

У полузверей на коже сохранились цвета от их звериных предков – наследие, которым гордился каждый. Лицо Хорунны, как и у серн, окрасилось в три цвета. Темно-коричневая полоса тянулась по бокам носа, затемняла веки, поднималась к вискам и кончалась где-то под волосами. Середина лица была цвета кости, а бока – бежевыми.

Главное – не забыть надеть железный обод с вуалью из конского волоса. Его Хорунна носила с детства. Нельзя, чтобы ее уродливые глаза видели работники.

Один глаз – бледно-голубой, как луна. Второй – черный, как колодец. Под взглядом Хорунны многие вели себя странно. Полузвери отворачивались, бледнели, даже шарахались. Мало кто мог долго находиться с ней рядом – даже семья отселила. У тех, кто смотрел в ее глаза без вуали, сразу находились срочные дела, что-то начинало болеть, они оступались на ровном месте, вляпывались в навоз. Хорунна знала – она приносит неудачу. Жаль только, что глаза не были ее главным телесным изъяном.

В дверь заколотили.

– Утречко светлое, хозяйюшка младшая! – засуетился тол-

стяк-слуга, занося еду. – Пусть уберезет, утаит тебя Землица, как в своей утробе!

Слуга был из народа бобров. Коричневая кожа, темные кисти руки, на голове – мелкие черные ушки. Из-под коротких штанов торчали тонкие лапы, покрытые гладкой шерстью. Неизвестно, как они держали толстяка. Сзади свисал до колена кожистый бобровый хвост.

Слуга поставил на стол поднос с завтраком.

– Наконец-то. Входи, Матиаш. И как я просила меня называть? Оставь, наконец, свои сельские замашки. Здесь столица, – фыркнула Хорунна, поправляя на голове обод с вуалью.

– Звиняйте, хозя... Хорунна, госпожа... – промямлил смущенный Матиаш.

– Опять холодная? – догадалась Хорунна, скосившись на миску с кашей. Она часто подогревала себе еду в очаге, наизав на нож. Но с кашей такое не пройдет.

– Дык пока семью вашу накормишь, пока скотину накормишь... Скотина ж не мы – терпеть не умеет. И сернушку вашу накормить надобно б, – оправдывался Матиаш. – Зато двойную порцию вам налбжил, прямо как мужику! А-то худышенька вы, ну точно шкелет.

– А это что еще такое? – подойдя к столу, Хорунна удивленно поглядела на бесформенный бледный шмат в миске. – Зачем ты принес сырое тесто?

Матиаш отчего-то запунцовел и потупил глаза:

– Это... матушка ваша подать велела. Говорит, сырое тесто, оно ж, того самого... От него перси растут... Это всяк знает.

– Какие такие перси? – сморщилась Хорунна.

– Ну, груди по-вашему, по-горожанскому...

Смущенный Матиаш как можно скорее попытался убраться со склада. Грелка, казалось, нисколько не обиделась на хозяйский гнев и теперь игриво скакала по складу, мордой раскидывая сложенное сукно. Воркуя с серной, Матиаш увел ее в стойло. Обескураженная Хорунна осталась один на один с сырым тестом.

– Что ж, перси так перси... – обреченно вздохнула она, оттянув пальцами кусок липкого теста.

Полбяная каша с куском жирного масла, сыр из молока серн и горький калиновый квас. Не жуя, не чувствуя вкуса, Хорунна наспех закинула в себя завтрак. Вроде бы в ложке каши попался жучок-мукоед – его проблемы.

Без молитвы трудиться было нельзя. Каждый в царстве Земли хранил в доме кусок камня, которому молился. Но Хорунна обладала кое-чем получше – целой скалистой стеной Ларец-горы.

Хорунна опустилась на колени перед каменной стеной склада. Всего лишь крохотный кусок, каменный ноготок с тела Ларец-горы. Но даже от него веяло немим величием. Скала всегда будто тихо дрожала, как живая.

Помолившись богине-Матери, Хорунна частенько прижи-

малась козым ухом к поверхности скалы. Может быть, Ларец-гора ответит на молитвы?

Темными, одинокими ночами, когда Хорунна подолгу вслушивалась в гору, ей начинало казаться, что в ее глубине и впрямь что-то тихонько дребезжало. Впрочем, кого она обманывала? Земля никогда не заговорит с ней. Чего только не услышишь, если долго прислушиваться.

Вот и сейчас, помолившись, Хорунна прижала ухо к скале. Долгие минуты тянулись, сменяя одну за другой. Как Хорунна ни вслушивалась, она не различила даже призрачного дребезжания. Она уже почти оторвала козье ухо от стены, как вдруг...

Стон. Стон тянулся из самого нутра Ларец-горы. Он был очень далек от полужвериного. Хорунна вообще не знала ни единого существа, которое издавало бы такие звуки. Так способен выть только тот, кто неизмеримо устал.

Нет, ей снова показалось. Она снова все себе сочинила. Хорунна вскочила на копыта и, как ужаленная, вылетела со склада, тут же стирая из памяти странный стон.

Глава 2. Сукновальня

«Сукно – вот язык, на котором я говорю с городом. За сукном легко спрятать лицо. Цех – мое настоящее тело. Зеркало, которое радуется – в отличие от обычного. Цех – мой муж. И единственное дитя, которое у меня родится».

Хорунна гордо поправила приколотый к груди знак подмастерья Гильдии шерстяных дел. Пересеченный прялкой моток нитей был отлит из олова.

Опершись о перила, она гордо охватила взглядом родную сукновальню. Ничто так не ласкало глаз, как будущие владения. Отсюда, с открытого полуяруса второго этажа открывался вид на весь цех. Перегородки разделяли несколько зон.

С края растянулись корыта, выдолбленные из цельных бревен. Скоро работники начнут промывать в нем жирное свежесрезанное руно. Зола, щелок и мыльные травы хорошо вычистят грязь.

Середину цеха заняли ткацкие станки. Тяжеловесные конструкции из старого вяза стояли рядами, как воины на карауле. Между натянутыми нитями основы медленно проступали полосы ткани.

Рядом расставились скамейки прядильщиков. Скоро закрутятся колеса скрипучих прялок. Замелькают ловкие пальцы, вытягивая из куделей тонкие нити.

В стороне забурлит красильня. Стоящие на очагах глиняные чаны зачат пахучим паром. Кора ольхи для черного цвета. Луковая шелуха для коричневого. Крапива и лопух для зеленого. А другие цвета в царстве Земли и ни к чему.

И вот, наконец, сердце цеха – валяльня. Гул и грохот здесь не прекращались никогда. Ручей загнали с улицы прямо в цех, где он толкал лопасти сукновальных колес. Их движение передавалось тяжелым молотам. Каждый из них обрушится на ткань, сдавливая ее в плотное, словно мускул, сукно.

Начиная с детства на каждом из этих этапов Хорунна трудилась и сама. Теперь же ее работой стала проверка материи – от сырья до готового сукна. Но и сейчас порой Хорунна садилась за ткацкий станок или вставала к красильным котлам – показать нерадивым работникам, как надо трудиться. Или когда руки уже ныли от тоски по знакомому, дорогому делу.

Хорунна не была хозяйкой цеха – все здесь подчинялось ее матери. Но Хорунна была его частью. Не существовало здесь уголка, куда бы не проник ее цепкий глаз. Не было изделия, какое бы не проверила натруженная рука.

Наверное, она не желала матушке смерти. И все же с опьяняющим предвкушением грезил, что когда-нибудь цех станет принадлежать ей. Ей и брату. И тогда-то уж она установит здесь свои порядки.

Только в цеху она забывала о своих изъянах. Здесь она что-то значила и чего-то стоила. Здесь ее знали и обычно даже считались с ее словом. Старые работники привыкли к ее особенностям. Стоило же выйти за порог – Хорунна переставала понимать, кто она и существует ли вообще. Копытная? Нет. Женщина? Тоже нет. Сукновал? Только он.

Хорунна упивалась тайной властью – она одевает город, колет и греет шерстью разномастные тела. Горожане кутаются в ее плащи и кафтаны. Они даже не задумывались, что без «той самой уродки» ходили бы голые. Но их не волновало, полезна ли Хорунна – они видели лишь ее изъяны.

Кто-то считал, что семья Квинта слишком высоко поднялась для сквернородых. Многие чистокровые копытные отказывались работать на их сукновальне. Если б не репутация семьи Квинта, доходы цеха могли бы вырасти вдвое, а то и втрое.

* * *

Цех потихоньку оживал. Приходили первые работники, начиналась привычная рутина.

Как обычно, Хорунна должна была проверить, в порядке ли все механизмы. Но сначала предстояло зайти к брату. В кулаке Хорунна сжимала сверток бересты – ей не терпелось показать брату новую идею.

Когда Хорунна вошла в кабинет Деона, у его стола рыдал

работник. Она узнала валяльщика Джуро из народа панд. Черные пятна вокруг глаз на белоснежной коже, круглые уши. Из-под штанов чернели поросшие шерстью звериные лапы.

– Я ж с сегодняшнего дня завязал, ну ни капельки! – рыдал Джуро. – На святом камне поклясться могу!

Но отстраненный Деон сидел за столом у скалистой стены, будто ничего не происходило. Казалось, они оба даже не заметили вошедшую Хорунну. Из-под ледяной корки лица Деона сквозила брезгливость:

– Ты уснул лицом в ручье у сукновального колеса. Скажи спасибо, что вытащил тебя, дурака. – Он даже не поднял глаз на работника. – Мне в цеху пьяницы не нужны.

Деон выложил на стол пару крупных мешочков с каменной солью.

– Забирай расчет и уходи.

Молча наблюдая за развернувшейся драмой, Хорунна залюбовалась братом. Как же она хотела походить на него – непреклонный, решительный, вечно занятой. Такого не пронять слезливыми речами. Хорунне стало жаль Джуро – он неплохо работал, когда не перебирал с сидром. И все же ее брат никогда не ошибался.

Деон был молодым мужчиной из народа оленей. Брови вечно сдвинуты к переносице, гордые скулы напряжены. Голову венчали похожие на ветви рога. Основание одного из них тоже сковало свинцовое кольцо клейма. На строгом ли-

це Деона рассыпались светлые олени пятна. Он носил короткие, до колен, сужающиеся штаны – как и все мужчины в царстве. Из-под штанов виднелись олени ноги, кончающиеся копытами. Темно-кобальтовый жилет поверх рубахи отливал шелковым блеском.

Деон пошел в олений народ отца, а Хорунна – в мать-серну. Народностью дитя всегда походило в одного из родителей. Редко – в бабок или дедов.

От деда Деон взял талант дельца и переговорщика. А вот строгость и прохладу унаследовал от матери. Полузвери, казалось, слушались Деона с первого слова. Что уж говорить – для многих он был образцом достоинства, ума и стати. Ни много ни мало, гордость семьи. В цеху Деон управлял работниками, а их мать, госпожа Долороса, считала прибыль и убытки.

Хорунна молчала о том, как болезненно ей не доставало старшего брата. Но проявление чувств в семье Квинта считалось слабостью. Хорунна ощущала любовь брата, лишь когда они вместе занимались сукновальней.

Джуро продолжал рыдать и нести невнятные мольбы, которые все больше переплетались с угрозами. Но Деон остался непоколебим.

– Ну вы хоть, младшая хозяйка, не губите! – Джуро вцепился Хорунне в край шерстяного платья, но та лишь отпрянула.

– Если господин Деон и госпожа Долороса распорядились

– значит, так надо, – подражая голосу брата, холодно ответила Хорунна.

Скулящий работник соскреб со стола расчет и исчез.

Деон открыл сундук и принялся взвешивать деньги – мешочки с солью, специями, семенами и бронзовыми пластинками – так невозмутимо, будто сейчас не произошло ничего особенного. Его глаза сосредоточенно щурились на весы.

– Да убережет тебя Земля, Деон. Я по делу.

– По-другому у тебя и не бывает. И тебя Земля убережет, – заговорил Деон, даже не подняв на Хорунну глаз. – Очень хорошо, что ты зашла. Мне тоже нужно тебе кое-что сказать.

– Давай я первая. – Хорунна нетерпеливо шагнула к столу и развернула берестяной сверток. На нем была выцарапана какая-то схемка.

Деон нехотя оторвался от мешочков. Нахмурившись, он попытался разглядеть чертеж. Но тут же закатил глаза, поняв, чего опять хочет от него сестра.

– Если бы сделать пристройку к цеху вот тут, южнее... – затараторила Хорунна, указывая пальцем в схему. – У нас там место пустует. Тогда получится переместить туда прядильщиков. Им света не хватает – они уже себе все глаза испортили. А у красильни вообще дышать невозможно – ее надо отодвинуть подальше и дать больше места.

Деон терпеливо выдохнул:

– И чего тебе все неймется? Работаешь – и работай. Да и с каких пор тебя волнуют глаза прядильщиков? У тебя другие

обязанности!

– С таких пор, что жаловаться они теперь начали мне! Ты постоянно в разъездах до гильдии и лавок! Матушка в последний месяц сама не своя. В общем, работники начинают со мной... разговаривать, – последнее слово Хорунна прошептала со страхом. – А я – ну не могу я с полужверьми, не лажу совсем. Твоих умений, прости, мне не перепало. Я одиночка. Так что избавь меня от лишнего общения, прошу! Ты верно заметил – у меня другая работа.

Деон устало сжал пальцами переносицу:

– Эти твои перестановки... Послушай, я и так с трудом уговорил матушку на твою прежнюю авантюру. Она убеждена, что ткать надо по старинке, как копытные делали веками. Я убедил ее лишь чудом богини. Ты же знаешь, как тяжело наша мать относится к переменам. Особенно теперь.

– Ткацкий станок, который работает раза в два быстрее, – это не авантюра! – Хорунна вспыхнула от несправедливости. – Потом весь цех такими уставишь.

– Хорошо. Но что я могу против матери? Ее слово здесь перебьет сотню моих! – спорил Деон и был прав. В царстве Земли часто все решала главная женщина рода. – На еще одно новшество она не согласится. К тому же в последнее время она совсем не в себе от горя. Ну, ты и сама видишь... Либо ходит по цеху со стеклянными глазами, как призрак. Либо срывается и орет на работников без повода. У нашей матери никого ближе ее отца не было. Все-таки всего месяц

прошел. Поберегла бы ее!

Хорунна отстраненно скрестила на груди руки:

– Каждый справляется с горем по-своему, Деон. Скорбит не одна матушка, – осторожно заметила она. – Только к чему бесплодное уныние? Я выбираю воздать честь нашему деду, улучшая его цех. Ты ведь и сам знаешь, что мы можем производить больше сукна. И вообще, многое улучшить. О нас больше узнают в других городах, а может, и в других царствах! Цеху нужны перемены. Ты ведь и сам мечтаешь об этом – не отрицай!

Кажется, глаза Хорунны загорались под вуалью, только когда та говорила о сукне. Деон, похоже, тоже это заметил и смягчился.

– Ладно, я подумаю, как можно преподнести это матушке, – вздохнул Деон, нехотя сворачивая бересту. – Наш дед и впрямь бы этого хотел. Он души в цехе не чаял, любил его больше, чем мы вместе взятые.

Деон спрятал бересту в один из сундуков, стоявших на лавке у стены.

Только благодаря деду – господину Диодоту – их семья занималась таким почетным делом. Шерсть была ремеслом копытной расы – пусть и сами потомки Диодота до конца к ней не относились.

Копытная раса – любимцы богини-Матери, ее наместники на земле. Почиталось любое их ремесло – резьба по рогу, сыроварение, кожевенное дело. А вот мясо рогатых живот-

ных никто не ел. Не по завету это – только Землю гневить.

Разговор перебила девичья болтовня за дверью. Она звучала громче, чем следовало. Хорунна и Деон невольно замолчали и прислушались.

– Ну как хорош хозяйский сын! Сухота девичья. Красив, как идол! Пусть и брюха не нарастил, как у настоящих богачей. Ну ничего, с годками заматерее еще. Эх, я б за него пошла! – щебетала работница. Хорунна узнала голос поломойки.

– Кто ж тебя возьмет! Он небось только с копытками готов.

– Так ведь он и сам только полукровка. Да и какая разница, не о том я сейчас. Я б его так окрутила, что взял бы! Одна только беда – сестрица его.

– А, бракóвка?

– Ну да. Как-то не хочется к красавцу-богачу такой довесочек.

Работницы захихикали.

– Ну ладно, тихо ты.

Сколько раз Хорунна слышала о себе гадости, а привыкнуть все никак не могла. Каждый раз как по живому. Только вот Деона, казалось, оскорбление сестры всякий раз задевало еще сильнее. Его точеные скулы напряглись от злости, стальные глаза вспыхнули гневом. Он вскочил из-за стола так, что едва не опрокинул стул. Деон вырвался из кабинета, преграждая работницам путь. Хорунна рванула за ним.

– Почему не за работой? – ледяным тоном осведомился Деон, скрещивая на груди руки.

– Так мы... это... Думали, хозяин, вы еще не тута... – невинно прощепетала та, что грозилась его захомутать. Кажется, девицы готовы были провалиться сквозь землю.

Хорунна узнала в работницах Тики – поломойку из народа мышей и Илке – ткачиху с бледными крыльями мотылька. Видимо, мать мальчика, который сегодня проник к Хорунне в спальню.

Илке была последней работницей цеха из рас Ветра. Многие в царстве Земли больше не хотели иметь с крылатыми дел.

– Обе без обеда сегодня! – отрезал Деон.

Покрасневшие работницы быстро скрылись с глаз. Раздраженно ударяя копытами о пол, Деон вернулся в кабинет.

– Не слишком ли сурово? – засомневалась Хорунна, закрывая дверь изнутри.

– Ничего, в самый раз. Отрастили себе не языки, а метелки! Как будто змей ядовитых в цех понабрал. – Деон раздраженно зашагал по кабинету взад и вперед, как зверь в клетке.

Хорунна знала: брат стыдится ее. Но в то же время защищает – против воли матери. Она с виноватой благодарностью вскинула на Деона глаза. Он каждый раз смущался любых лишних проявлений своих чувств. Вот и теперь пытался поскорее придать покрасневшему лицу прежний деловитый вид.

Девицы стали липнуть к Деону, едва у него начали расти рожки. Но с каждой он оставался ледяной глыбой – сколько девок об него зубы обломало. Благопристойный копытный не должен ложиться с женщиной до свадьбы. А Деон всегда вел себя крайне благопристойно.

При мыслях о привлекательности брата Хорунну колола тайная зависть. Интересно, каково это, когда кому-то нравишься, когда о тебе мечтают? Парни всегда пугливо обходили Хорунну стороной.

У стола вытянулось вверх пустое бревно с полками внутри. Деон выхватил оттуда учетную книгу и хлопнул ею по столу. Пытаясь перебороть раздражение, Деон уселся и полистал страницы. Деловые записи всегда его успокаивали. Обмакнув в чернильницу перо, он внес пометку об увольнении Джуро.

– Так, а о чем ты хотел со мной поговорить? – вспомнила Хорунна.

Наконец, брат поднял на нее глаза. На Хорунну снова глядел прежний Деон из металла:

– Есть кое-что. Как бы ты ни избегала полужверей, сегодня тебе придется с ними общаться.

– Ты о чем? – Хорунна напряженно отступила назад.

– Вечером я еду в гильдию Шерстяных дел.

– Опять?

Подув на запись, Деон решительно захлопнул книгу.

– У внучки главы именины. Мы отправляемся втроем –

ты, я и матушка. Прошел месяц с кончины нашего деда – положено снимать траур. Теперь с гильдейскими надо поддерживать отношения вместо него. Ты должна хотя бы показаться. Какая бы ни была. – Деон скорбно отвел глаза.

От ужаса Хорунна судорожно ухватила ртом воздух:

– Но вы всегда держали меня тут, в сукновальне! Только в храмы и пускали.

– Не мы, а матушка. Сейчас, когда деда не стало, все поменялось. Теперь мы владельцы цеха. Нам вот-вот выдадут знаки членов гильдии – мы перестанем считаться просто подмастерьями. Я обо всем договорился. – Деон глядел на Хорунну тяжело, будто его глаза наливал свинец. – Так что гильдейским надо нравиться. Смеяться над их шутками, распивать с ними сидр, поздравлять с праздниками всех их внучек, дочек, жучек.

Хорунна отказывалась это слышать:

– Но я-то вам там зачем? Получите знаки сами. А я просто буду работать! – Хорунна замотала рогатой головой. – Я бракованная, забыл? Полузвери никогда в жизни не примут меня, не посчитают своей! На что ты надеешься?

– И не такие в народ выбирались, с полузверьями дела решали. – Голос Деона притих, будто он не верил собственным словам. – Вспомни купца Хавеля.

– Это который из народа червей? Горбатый, мелкий? Оловом торговал?

– Он самый. Таким только детей пугать – а на всех пирах

первый гость. Еще и под каждую юбку умудрялся залазить, старый развратник. – Деон брезгливо скривился.

Отчаявшаяся Хорунна рванула к столу и стукнула по нему побледневшим кулаком.

– Ну так потому что он из рас Земли. А я... Не понять кто! – Она не заметила, как перешла на крик.

Удар оказался сильнее, чем Хорунна ожидала. Чугунная подставка с погашенной лучиной, качнувшись, стукнулась о стол.

– У этого Хавеля все равно не было такого изъяна, как у меня! И я уже не о глазах. Матушка не зря все это время держала меня в цеху! Забыл? Я приношу только беды!

Удивленный Деон поглядел на упавшую лучину.

– Возьми себя в руки, Хорунна, – недовольно велел он, приподнимаясь над столом. – Пора взрослеть. Хватит себя жалеть. Перестань уже прятаться в этой большой суконной скорлупе. Ты думаешь, мир холоден только с тобой? Заблуждаешься, сестра. Рано или поздно тебе придется говорить с полузверьми. Я не всегда окажусь рядом, чтобы быть твоим голосом.

Хорунна растерянно отступила:

– Я говорю с полузверьми через дело! Сукно за меня все расскажет. Мне к этому добавить нечего!

Деон твердо уперся ладонями о стол. Его слова рубили, как секира:

– Ты еще юна, Хорунна, и не знаешь, как устроено обще-

ство. Здесь все решают личные отношения. Репутация. Любезность. Союзничество. Ты никто, если ты одна. Ты никто, если не располагаешь.

– Но я не одна! У меня есть ты и матушка. Моя Грелка... – бессильно возражала Хорунна. Вся она будто сдулась.

Стыд снова заставил Деона отвести глаза:

– Да, ты действительно... не такая. Но что может быть важнее цеха? Ради него ты должна выйти к народу. – Деон вернул подставку с лучиной на место. Собравшись с силами, он решил поставить точку. – К вечеру ты нарядишься в лучшее платье. Подготовишь для подарка одну из своих вышивок с узорами – с этими, как они... Что ты там постоянно вышиваешь...

– Чертополохи. – Хорунна понуро осела на лавку у двери. Ее худые плечи поникли, будто на них взвалили по мешку зерна.

Мгновение – и Хорунну оглушил жуткий звон. Осколки хлынули справа смертоносным водопадом – и все в сторону Деона. Окно разлетелось вдребезги. Что-то тяжелое отлетело из окна в угол кабинета.

В цеху уже не раз случались несчастные случаи с оборудованием – действовать приходилось молниеносно. Вот и сейчас тело Хорунны сработало само. Она даже не успела сообщить, что делает.

Хорунна кинулась под стеклянный дождь, заслоняя брата. Осколки сыпались с нее, звеня об пол.

Стеклянная молния угасла так же мгновенно, как блеснула. Воцарилась звенящая тишина. Только осенний ветер со свистом врывался в кабинет сквозь остатки окна.

Деон даже не успел понять, что произошло. Сидя на стуле, он ошарашенно стряхнул с себя блестящие стекляшки. Глаза Деона немо поднялись на Хорунну, отгородившую его от окна.

Он побелел, как мрамор, и не мог вымолвить ни слова – как и Хорунна. В его неморгающих глазах застыл ужас за сестру.

Оцепенение вдруг спало с Деона. Он вскочил к Хорунне и смахнул остатки стекла с ее одежды. Они со звоном попадали на пол. Сзади раздутую душегрейку поверх платья изрезало несколько дыр.

– Ну как там, испорчена одежда? – неуверенно нарушила тишину Хорунна, пытаясь сделать вид, что ничего особого не случилось.

– Никакой крови... – со странной задумчивостью понял Деон.

Хорунна пожала плечами:

– Ну так у меня одежка в четыре слоя – вот стекла и не достали. Сам-то как?

В ответ Деон лишь молча кивнул. Он попытался спрятать ладони, на которых уже выступили красные капли.

Хорунна выглянула в разбитое окно, но кроме ошарашенных работников цеха под ним никого не было.

– Нет, – сощурился Деон, задумчиво глядя на Хорунну. – Я видел – кусок стекла попал тебе в кисть. Но оно тебя не ранило...

Фыркнув, Хорунна отмахнулась:

– И когда ты там успел все это разглядеть? Вот, гляди, руки как руки! – Хорунна покрутила ладонями перед лицом Деона. – Я не ранена, все со мной в порядке. Видно, стекло тупое. Или бросили слабо.

– Что бросили? – непонимающе нахмурился Деон.

– А ты не заметил? – посерьезнев, Хорунна направилась в другой конец кабинета и нашла, что искала. – Камень.

Мрачный как туча, Деон шагнул за Хорунной. Они оба задумчиво поглядели на откатившийся булыжник. Его обмотали нити.

– Это сделали не просто так, Деон, – мрачно заключила Хорунна. Она ухватила за плечи, будто замерзла.

– Кому это могло понадобиться? – он недоуменно сморщил высокий лоб.

– Известно, кому. Крылатым ублюдкам, – злобно фыркнула Хорунна. – Кто еще может осмелиться на такой бедлам?

– Я бы не торопился с выводами, – потер скулу Деон. – В городе найдутся те, кому наша семья не по нраву. Чистокровным копытным.

Он нагнулся к булыжнику:

– На нем что-то есть. – Он поднял камень и покрутил в руках.

Хорунна побелела, когда поняла, что именно привязано к булыжнику. Деон вытащил из-под нитей вялый бутон чертополоха.

Хорунна вдруг сорвала с себя душегрейку так ожесточенно, будто она горела, и швырнула ее на стол. Вся ткань на ней была расшита чертополохами.

Колючий цветок – пурпурный, как стыд. Как яд, как тревога. Враждебный, надменный, противоречивый. Хорунну раздражал этот цвет – но она отчего-то упрямо носила на любой одежде тканые пурпурные заросли. И все в цеху знали об этом.

Хорунна забрала чертополох из рук Деона:

– Эта угроза. И предназначалась она лично мне, – задумчиво разглядывая цветок, поняла она. – Кто мог желать дурного такой, как я? Хм, да кто угодно.

Глава 3. Слостолюбцы из стойла

«Иногда мне снятся сны. Слава, признание, величие – наше сукно покорило народ. Город признал меня своей. Полузвери улыбаются мне, хотят поговорить – без опаски, без брезгливости, по-настоящему. Будто никогда меня не сторонились и не шептались за спиной. И я счастлива. Мне снится то, чего наяву мне никогда не видеть».

На улице Хорунна проверяла, не просушилось ли сукно. По всему огромному двору у цеха полотна свисали с деревянных рам. Оценивая качество, она уткнула нос в шерстяную ткань, вдохнула любимый запах. Мыло, щелочь, ореховая скорлупа, немного звериного жира. Главное, чтобы плесенью не пахло.

Хорунна всеми силами пыталась притупить ужас перед предстоящим праздником с членами гильдии. Да еще этот проклятый камень... Она осмотрела место под разбитым окном, но не обнаружила ничего, кроме осколков.

Кто мог его бросить? В цеховой двор пробрался крылатый? Ведь не посмел бы камень швырнуть кто-то из работ-

ников. Или на это решился уволенный Джуро? Вряд ли: он обижен на Деона, а она не при чем. Тогда какую беду и от чьей руки ей грозило это предупреждение?

Несколько серн и пара оленей сонно щипали жухлую травку вокруг цеха. Среди них гордо расхаживал тотемный олень брата. Деон назвал его Венец – из-за роскошных рогов. Здесь же бродила пугливая Спица – тотемная серна матери.

Началась поздняя осень. В их северных землях в это время обычно уже давно лежал снег. Но только не в этом году. Впрочем, для дела оно и лучше: до морозов сукно можно сушить на улице, а остальное Хорунну и не беспокоило.

В последнее время небо над городом будто переменялось: потяжелело, словно бы даже поменяло цвет. Но в чем дело, Хорунна понять не могла. Впрочем, какая разница? Быть может, ей просто почудилось.

Она заметила Тайо – молодого работника из народа зебр. Все его юное, поджарое тело расчерчивали полосы. От лба до самой спины, как щетка, тянулась узкая полоска волос. По сторонам от них торчали уши. Черная кисточка хвоста лениво била по бедрам.

Для ворсования Тайо чесал ежовой шкуркой высохшее сукно. Хорунна окликнула его и недовольно ткнула пальцем в висящее полотно:

– Тайо! Это как пропустили? Тут же перекас и колтуны. А вот на том прокрасилось плохо. Куда только смотрите... – цокнула языком Хорунна, а затем указала на соседние по-

лотна. – А вот те зеленые забирай, просохли.

Точный глаз Хорунны отлично примечал изъяны. Сукно должно было выглядеть безукоризненно.

* * *

Цех приткнулся к Ларец-горе на выселках, за городской стеной. Вместо крыши каменное здание покрывал цельный кусок коры исполинского ясеня.

К цеху пристроился небольшой дом семьи Квинта. Хорунне разрешалось заходить туда по праздникам.

Ларец-гора закрывала полнеба – оттого цех часто тонул в тени. Скалы кольцом обогнули столицу с трех сторон. Многие верили, что это не гора, а окаменелые остатки полого пня исполинского ясеня. Такого необъятного, что он смог вместить в себе целый город. Другие считали это байками – не может дерево вырасти размером с город.

Таких гор-колец и гор-пней в царстве Земли находили много. Но столица Глыбь заняла самую огромную из них. Крылатые говорили, что с воздуха Ларец-гора похожа на женское чрево, в котором вынашивается город.

Байки или правда – в любом случае таких огромных живых ясеней теперь точно было нигде не сыскать. Разве что по всему царству теперь росли внуки тех ясеней. Крошечные рядом с невероятными предками, но все еще внушительные в сравнении с другими деревьями. Такие разом не обнимут

даже несколько полузверей.

Из горы бил ключ – входил в цех и тут же, отработав, покидал его. Ниже по склону ключ собирался в реку Вязь.

Глыбь распухла от жителей, прорвалась и брызнула вокруг себя многочисленными дереvушками. С горного склона, на который взобрался цех, Хорунне открывались затуманенные окрестности. Чужие цеха, дома, пашни, рощицы, сады, речки.

Проверяя сукно, Хорунна ходила от одного развешенного полотна к другому – пока не дошла до дома семьи. К нему прилегали стойла – для тотемных и обычных серн и оленей. Тут же расположился зверинец, если работники пришли со своими тотемными животными.

Сначала Хорунна решила, что странные звуки ей послышались. Чей-то глупый смех, незнакомый мужской голос. Хорунна наострила козы уши. Голоса доносились из стойла.

Сухая трава смягчала звук ее копыт: Хорунна тихо приблизилась к зданию, заглянула в щель дверного проема. Внутри и впрямь кто-то копошился.

Этих двоих Хорунна никогда раньше не видела. Меднокожий парень из народа коней обрядился в кафтан цвета вина. Он прижимал к балке какую-то растрепанную деваху. За ее спиной свился в игривое колечко беличий хвост. Дранный передник, рыжие лохмы – выглядела девчонка лет на четырнадцать.

Тотемные животные тревожно били копытами и тихонечко блеяли, не понимая, что происходит. Хорунна присмотрелась: полуконь задрал девчонке слоеные юбки. Судя по всему, под ними ничего не было. Медная мужская кисть углубилась в тепло между девичьих ляжек. Он что-то горячо нашептывал прямо в дрожащее беличье ушко. Хвост полуконя нетерпеливо бил по его собственным бедрам. Деваха хихикала – визгливо и даже как-то скудоумно.

– Ну щикотно! Ну хватит! – пищала она, кокетливо поколачивая его кулачком по плечу. Впрочем, отстраниться девица даже не пытаясь. В какой-то момент меднокожий схватил ее за пояс и повалил на сено, вызвав новый всплеск визгов.

Когда до Хорунны окончательно дошло, что тут творится, внутри нее все обледенело. Наткаться на чужие непотребства давно стало ее проклятьем.

Хорунна ворвалась внутрь, словно ураган. Перед глазами плыло от гнева.

– В моем стойле? Рядом с тотемными зверьми?! – кричала она. – Беспутники! Сластолюбцы!

Поняв, что их разоблачили, рыжая испуганно пискнула. Поскорее спустив юбки до шерстистых лодыжек, она юркнула вон из стойла. Хорунна попыталась поймать полубелку, но та оказалась слишком прыткой.

– Да вы вообще кто такие?! – возмутилась Хорунна. В стойле остался только полуконь, поэтому отвечать предсто-

яло ему. Только вот он почему-то не спешил рассыпаться в оправданиях.

В отличие от своей суетливой подружки, незнакомец просто поражал невозмутимостью. В каждом его движении сквозила вальяжность вельможи. Он даже не взглянул на Хорунну, словно ее здесь просто не было.

Вместо этого меднокожий с удивительным интересом разглядывал свою руку – по-мужски изящную, тяжелую от перстней. Пальцы все еще хранили на себе девичье тепло и влагу.

Полуконь поднес руку к губам. Его язык неторопливо облизнул пару пальцев. На его лице возникло такое задумчивое выражение, будто он смаковал вино.

– Облепиха, – с удивлением заключил меднокожий. Его глаза подернулись пеленой мечтательности.

Запах сена вдруг вызвал у Хорунны удушье, показался приторным. Она ощутила, как к горлу подкатывает ком тошноты. Перед глазами невольно встали отвратительные воспоминания.

Трудилась раньше у них на сукновальне парочка молодых – ну совсем отшибленные. За годы работы несколько раз заставляли их в цеху за распутными делами. При том, к своему несчастью, чаще всех натыкалась на них именно Хорунна.

То в чулане жались, то голые плескались в ручье у цеха, то залезли прямо на бочки с красителями. А однажды Хорунна

обнаружила наглецов, забавляющихся прямо в ее постели! После того случая пришлось сжечь матрас.

Сколько этих прелюбодеев журили, сколько раз штрафную плату взыскивали. Даже до жрецов Земли дело дошло – пришлось им жаловаться, чтобы вразумили. Молодожены каялись, клялись, что больше ни-ни, а сами... Как полоумные. Ничем их было не пронять. Терпел их дед Диодот только потому, что дело они свое очень уж хорошо знали.

Только вот и его терпение после одного случая кончилось. Последней каплей стало то, что наглецы как-то умудрились залезть на крышу их дома и начали сношаться прямо там! До тех пор, пока дощатая крыша не надломилась. Тут уж даже добрый дед не выдержал – выгнал обоих. А молодым, свалившимся, хоть бы хны – ни перелома.

Каждый раз, когда Хорунна заставляла молодоженов за скабрзностями, она цепенела. Дерганья парочки в такие моменты ее просто отвращали. Она не понимала – и почему полузверей так тянет снять одежду, что-то высунуть или куда-то всунуть? Почему так не терпится кого-нибудь где-нибудь облизать? Что им там, в самом деле, медом намазано?! А еще Хорунна не понимала, отчего те сумасброды так пыхтели и стонали – особенно женщина. По ее лицу и голосу казалось, что ей больно. Тогда зачем она снова и снова соглашалась на эти глупости?

Внутри у Хорунны все сжималось от страха даже при одной мысли, что надо перед кем-то снять одежду. В их цар-

стве ценились женщины дородные, пышущие здоровьем и сытостью. Мягкие, раздутые, как тесто в кадке. Чтобы груди колыхались, чтоб живот выпирал. А бедра – так вообще чтоб с коромысло. А такую худышку, как Хорунна, кто себе захочет?

Жрецы Земли учили, что сношение нужно для чадородия. Других преимуществ Хорунна в этих глупых содроганиях не видела. А с учетом, что такая, как она, может тоже породить невесть кого... Хорунна все больше склонялась, что мужчина для нее так никогда и не отыщется. Состарится она в цеху – одно сукно ее ночами согреет.

Наверное, той парочке до ужаса не терпелось зачать дитя – другого объяснения Хорунна не видела.

Но что тогда этот полуконь? Зачем он трогал девушку ТАМ? Конечно, жрецы говорили, что частичка богини живет в женском лоне. Но вряд ли этот меднокожий искал богиню.

Для чего же тогда он трогал ту полубелку? От такого ведь она не забеременеет – уж Хорунну-то было не провести. Ей скоро исполнится девятнадцать – она уже кое-что да знала. Правда, практически все – благодаря той самой парочке. Подробности же рассказывали молодым жрецы перед свадьбой.

Из нахлынувших воспоминаний Хорунну вывел раздраженный голос полуконя. Незамысловатый, но такой сладкий леденец вынули прямо из его рта.

– Тебе не говорили, девочка, что зависть – грех? – задум-

чиво начал меднокожий. Его пальцы неторопливо снимали с кафтана прилипшие соломинки. – Ну чего, снаружи подождать не могла? Так хотелось подглядеть? А-а-а, или попробовать? Ну так потерпела бы тихонько в очереди – и тебя б не обделил. Кстати, твоими стараниями я сейчас совершенно свободен. Если уж тебе ТАК невтерпеж.

Таких похабностей Хорунне раньше никто сказать не смел. Меднокожий искривил рот в ухмылке. Она выглядела настолько паскудной, что Хорунна оцепенела. Винные глаза блеснули похотливыми искрами, оценивающе обдали ее с головы до копыт.

Хорунна опустила глаза на его штаны. Под бордовой тканью будто спряталась пихтовая шишка. Полуконь еще не остыл после конопатой девахи. А если теперь он захочет восполнить то, что недополучил?.. Нет, не посмеет – да и не пожелает.

По телу Хорунны пробежала волна страха. Она-то и отрезвила ее, вернув прежний гнев. Мгновенно приметив в стороне ушат воды, Хорунна решительно направилась к нему.

– Ну сейчас ты у меня остудишься... – пробурчала она под нос, намереваясь выплеснуть на голову наглецу все до последней капли.

Схватив ушат, Хорунна с гневом рванула обратно, чтобы окатить нахала, и... замерла рядом с ним в последний миг, облив разве что себя.

Внутренний голос отрезвил Хорунну. Глаза вцепились в детали одежды – в ней-то она понимала. Слишком уж дорого лоснилась парча. Слишком искусно расшиты бисером гранаты на кафтане. Слишком хорошими заколками перехвачена узкая грива, а конские уши – серьгами. Слишком дорогой медью окрашены копыта. Да и все какое-то не на здешний манер. Этот полуконь походил на избалованного сынулю какого-нибудь знатного толстосума. Хоть и воспитания дурнее у копытного Хорунна еще не встречала.

Нет, нельзя было совершить ошибку. С важными полуверьми шутки кончались плохо. А с важными копытными – тройне. Этот-то, в отличие от Хорунны, родился чистокровным. Иначе бы на его теле прикрепили колечко клейма, как у нее на роге.

Щурясь, Хорунна разглядывала медное лицо. Оно казалось поразительно знакомым, словно Хорунна раньше видела эти черты. И все же она была уверена, что встретила наглеца впервые.

И этот запах... Удушливый, приторный запах, который навязывался в нос. Миндальное масло, перемешанное с гарью. Хорунна тоже его откуда-то знала. Что-то пыталось пробиться в ее сознание сквозь пелену забытья. Хорунна чувствовала, что что-то упустила.

Так она и застыла с ушатом в руках и ступором в лице.

– Ну наконец-то догадалась подать мне воды. Эх, все-таки толковую прислугу теперь днем с огнем не сыщешь. Я

давно говорил – всех вас плетьюми надо драть! Для воспитания, – фыркнул меднокожий, принимая в руки ушат с водой. Прежде чем отпить, он приосанился. – Там, откуда я прибыл, дорогого гостя встречают серебряным кубком с медовым вином!

Хорунна нервно вздрогнула: в их землях запрещалось обсуждать порядки чуждых царств. На всех один устав – боги Земли.

Меднокожий добавил что-то на чужеземном языке – судя по тону, ругательство. Он запрокинул ушат к лицу – студеные струйки сорвались с гладкого подбородка.

– Там, откуда я, – заговорила Хорунна, как только преодолела новую волну шока. – Гости не обжимаются с девицами в чужих стойлах.

Отпивая, меднокожий удивленно вскинул из-за ушата фигурные брови, но, набрав в рот воды, не успел ничего ответить. Пользуясь этим, Хорунна добавила:

– А «дорогим» гостем ты стал только потому, что после ваших грешных утех придется сносить стойло!

– Иш, какая дерзкая, – напившись, он утер рукой рот и отставил на пол ушат. Несмотря на враждебность Хорунны, меднокожий оставался так же невозмутим.

– И я не прислуга, – процедила она сквозь зубы.

Полуконь задрал брови к самой гриве:

– В самом деле? – театрально удивился он. – А выглядишь как прислуга.

Он вновь оценивающе оглядел Хорунну с рогов до копыт, будто раздевая глазами. Она съежилась от неловкости, ощутив себя, как в передвижном цирке. Его взгляд остановился у нее на клейме – грубом кольце поверх рога. Но дольше пытливый взгляд пытался пробиться сквозь вуаль на ее лице.

Меднокожий сделал шаг к Хорунне и оказался к ней почти вплотную. Он шумно втянул ноздрями воздух у ее шеи. Хорунна вздрогнула.

– И пахнешь как прислуга, – с издевкой прошептал полуконь совсем близко – так, что она ощутила на шее его миндальное дыхание. Он растянул рот в ухмылке – на удивление хищной для коня. Рядом с лицом Хорунны опасно блеснули белоснежные, крупные зубы.

Хорунну уже потрясывало от шока, гнева и уязвимости. Перепады в поведении незнакомца напрочь сбивали с толку. Непредсказуемость всегда парализовывала ее. Больше всего в жизни она терпеть не могла все новое. Хорунна не понимала, что происходит и как сейчас она должна себя вести.

Она почувствовала: наглеца все это лишь забавляло. Он с самого начала понял, что она не прислуга. И знал, кто перед ним, а теперь просто издевался. Почему? Да потому же, почему и остальные.

– Хватит. Покинь мой цех, – наконец собравшись с силами, велела Хорунна. Ее голос дрожал тихим металлом. Тело сотрясилось. – Ты не только опорочил дом тотемных зверей моей семьи. Ты опорочил свою благородную копытную расу,

когда собрался лечь с девушкой до брака. Ты недостойный копытный.

Полуконь цокнул языком, покачал головой.

– Какой высокий стиль, – протянул он, продолжая издеваться. – Уж не в жрецы ли собралась?

Казалось, смутить наглеца было невозможно.

– Прежде чем уйдешь отсюда, – так же холодно продолжила Хорунна, пытаясь не откликаться на уколы, – назови свое имя. Я хочу знать, чья семья больше не вхожа в мой дом. Чья семья не смогла воспитать достойного наследника.

Наглая ухмылка на лице меднокожего сменилась угрозой:

– Ты, козочка, говори, да не заговаривайся! Чтоб потом не пришлось жалеть о своих словах. О чести своей семьи бы лучше так пеклась!

Хорунна напряженно сглотнула. Так и не назвавшись, незнакомец опрокинул копытом ушат с остатками воды. Толкнув Хорунну плечом, он рванул к выходу.

Даже не обернувшись, она застыла на месте. Воздух заledenел в легких, от ступора она не могла выдохнуть. Хорунна пыталась осознать, что только что произошло. За стойлом рывкнул приглушенный голос полуконя:

– Я же велел тебе стеречь! Олух! – Прозвучал тихий шлепок, слышались вздох и оправдания.

Не чувствуя копыт, Хорунна отворила дверь на улицу. Рядом с полуконем согнулся тощий парнишка из народа летучих мышей – видно, его слуга. Некрасивый, с лысыми кры-

льями и угольной кожей. Его лицо скривилось от боли. Рядом со слугой приткнулась тележка с какими-то мешочками и горшками.

Прежде чем узнать у полуконя, когда наконец закончится нашествие незнакомцев, Хорунна увидела спешащего сюда брата. Ей показалось, что тот выглядел еще более хмурым, чем обычно.

Оказавшись рядом, Деон скупно поклонился меднокожему и церемонно заговорил:

– Почтенный господин Гордай из семьи Халькинон. Да сохранил тебя Земля. Рад встречать тебя здесь. Но, признаться, я ждал тебя завтра. – В строгом лице мелькнуло удивление. Он перевел глаза на Хорунну. – Вижу, ты уже познакомился с моей сестрой Хорунной.

Халькинон... Когда она услышала это имя семьи, ее ноги едва не подкосились. В ушах зазвенело. Она оперлась рукой о бревенчатую стену стойла. Так вот откуда она знает лицо полуконя. Так вот чью семью она оскорбила.

Меднокожий наглец оказался не просто сыном какого-то богача. Он являлся наследником одного из четырех верховных жрецов Земли. Власть в столице и ее окрестностях принадлежала именно им.

Халькинон. Конечно, Хорунна прекрасно помнила отца семейства – знаменитого и благородного судью. Ходили слухи, что жрец Земли стыдился сына за его мерзкие выходки. О матери Гордая Хорунна мельком слышала лишь то, что

та умерла годы назад. Правда, высокое имя этой семьи было не единственным, от чего копыта перестали держать Хорунну...

Она учтиво склонила перед Гордаем рогатую голову. Как бы он ни пытался унижить ее, Хорунна не должна была грубить сыну верховного жреца. Хотя разница между омерзительным отпрыском и его благороднейшим отцом просто поражала. Кажется, они ничем не походили друг на друга, кроме народности и черт лица.

– Чудное выдалось знакомство с твоей сестрой, Деон, – ослепительно улыбнулся Гордай. – Не согласна, драгоценная Хорунна?

– Главное, что без рукопожатий... – едва слышно буркнула она себе под нос, помня, где совсем недавно побывали пальцы Гордая.

– Сестра, господин Халькинон – молодой купец. Из дальних земель он привез образцы редких красителей для нашего сукна, – пояснил Деон. – Прими образцы и опробуй их. Сотрудничество с господином Халькиноном будет на тебе.

Что-то внутри Хорунны рухнуло. Она уже открыла рот, чтобы возразить, но ее, к удивлению, опередил Гордай.

– Она? – Полуконь смерил Хорунну надменным взглядом. – Что девчонка может понимать в делах? Я рассчитывал, что мы все обсудим с тобой, господин Квинта.

Последние слова Гордай произнес будто с издевкой. Впрочем, Деон, как всегда, оставался самой невозмутимостью и

«не заметил» наглости купца.

– Госпожа Хорунна – не девчонка, – с учтивой прохладой пояснил Деон. – Она мастер суконного дела. Все в нашем цеху исключительно ценят Хорунну. И именно она здесь ответственна за качество и свойства материалов. А еще дорогая Хорунна – член моей семьи. Прошу и тебя уважать ее, Гордай, – хотя бы ради нашей былой дружбы.

Деон посмотрел на купца с неодобрением. Хорунне показалось, что этот холод был связан с чем-то бóльшим, чем колкости в ее сторону.

– Не знала, Деон, что ты водил дружбу с цветом столицы. – Хорунна попыталась пригасить язвительность, но получилось плохо.

– Наш Деон полон сюрпризов, – мерзко усмехнулся Гордай.

И когда только Деон успевает налаживать все эти связи? И главное, как? Хорунна попыталась припомнить, чтобы он хоть когда-то в прошлом дружил с Халькиноном – и не смогла. И отчего ее брат согласился сотрудничать с этим грубияном?

Разум отмахивался – о чем тут думать? Все и так ясно. Он сын верховного жреца – кто посмеет отказать такому? Но что-то иное заставляло Хорунну сомневаться. В голову лезли дурацкие мысли: что, если этот мерзавец чем-то угрожает ее брату? Такой бы мог.

– Вашими красителями давно надо заняться, – сморщился

Гордай. – А то у вас такие цвета скучные!

«Скучно тебе будет в темнице, если не перестанешь сюда таскаться», – ответила бы Хорунна Гордаю, не окажись он благородных кровей. Впрочем, о чем она? Таких, как он, в темницу не бросали. Богоизбранная копытная раса – так еще и сын жреца.

– А разве такие вопросы не должны решаться через гильдию? – попыталась помешать сделке Хорунна. – Ведь здесь столица, а не какое-нибудь захолустье. Мы цивилизованные полужвери и уважаем гильдии.

Деон многозначительно взглянул на Хорунну, намекая, чтобы она замолчала:

– Господин Халькинон оказывает нам честь. Мы не нарушаем правил уважаемой гильдии. Эти товары мы можем принять без лишних церемоний.

– Ох уж эта косность, эти формальности! – закатил глаза Гордай и вставил незнакомое словечко на заморском языке. – Именно так и гасят искру настоящей торговли. Я, видишь ли, молодой, но многообещающий купец. Привез из царств Огня и Ветра редчайшие товары – которые по старому знакомству для начала решил предложить вашей семье. Но, смотрю, в этом доме не ценят щедрых жестов!

Лицо Хорунны скривилось так, будто ей под нос сунули жбан перекишей капусты:

– Я в ближайшее же время опробую образцы уважа-а-а-емого господина Халькинона.

Осудив Хорунну ледяным взглядом, Деон тревожно указал в сторону дома:

– Предлагаю отобедать в горнице, Гордай. Мы не ждали гостей – сегодняшняя трапеза не так изысканна, какую мы подготовили бы к твоему прибытию. И все же за обед нам краснеть не придется. Кухарка подаст прекрасный тыквенный суп с ячменными лепешками и расстегаи с груздями. А на десерт – варенья из шишек и ревеня.

Хорунна не верила ушам. Шишки, расстегаи? И какой только сброд не вынуждена потчевать ее семья из-за заслуг их достойных родителей!

– А цветочное вино будет? – заинтересованно вскинул брови Гордай. – Предпочитаю жасминовое!

«Вином тебе пусть в борделе плещут, который ты с моим стойлом спутал», – так и чесался язык Хорунны.

– Ты давно не был на родине, Гордай, – вежливо улыбнулся Деон. – И совсем позабыл, что вино не в чести на нашем скучном севере. Зато медовухи или грушевого сидра тебе нальем столько, что стол затрещит. Ну, пойдемте!

Деон и Гордай направились к дому. Хорунна уже обрадовалась, что о ней забыли, как вдруг Деон обернулся. Он обратился к ней невзначай, будто забыл о какой-то мелочи:

– Кстати, Хорунна. Отобедай с нами. – Его просьба звучала мягко, но после утреннего разговора она поняла, что отказ не принимается. Брат ведь решил показать ее свету.

Хорунна ощутила, что у нее начинает дергаться край губ –

как и всегда, когда ей приходилось много общаться с незнакомцами. А отвратный Гордай считался за троих.

– Мне доставит это много удовольствия, дорогой брат, – едва процедила сквозь зубы Хорунна. По одобрительному взгляду Деона она поняла, что все говорит правильно.

Светскую беседу прервал топот Матиаша, грузного слуги из бобрового народа:

– Хозяюшка, хозяйка! – запыхаясь, кричал он издали. – Там вашу эту механизму притарабанили. Ох и прокаженная ж машина! Чую, не будет нам от нее добра...

Добежав до них, толстяк Матиаш почти свалился. Запыхавшийся и красный, он оперся ладонями о колени.

Хорунна забыла, как дышать:

– Какую машину? Ты о ткацком станке? – Внутри у нее все ожило – будто соки по весеннем дереву помчались. Хоть одна хорошая новость за сегодня.

Копыта сами собой понесли Хорунну прочь от Гордая с его проклятым обедом. Она уже бежала смотреть ткацкий станок.

– Он самый. Работали ж как-то раньше без него – не тузили! – сетовал слуга, увязавшись за Хорунной.

Она отчитала его – между делом, по привычке:

– Матиаш, ты вообще в цеху не работаешь! Ты матушкин слуга. Лишь бы понять лишний раз, что ли?

– Ну да, – пожал он толстыми плечами.

– Показывай станок.

– Позвольте и мне взглянуть на обновку, – навязался Гордаю, подскочив к Хорунне. – А потрапезничать еще успеем.

Скрипнув зубами, Хорунна скупно кивнула – отказать Гордаю она теперь не могла. Пока они вместе торопливо обходили цех, Гордаю приблизился к Хорунне и негромко спросил:

– Кстати, а как зовут ту вашу служаночку? Ну, из белок, – похотливо ухмыльнулся он. – А то знаешь, как-то было не до имен!

Хорунна оторопела, цокнула языком:

– Я думала, это ты притащил к нам свою подстилку, – не сдержалась она. – Черти что, проходной двор! А белка-то тут откуда?

Глава 4. Жрец и жрица

«Дедушка был добрым. Из всей семьи он один относился ко мне с теплотой. Именно он превратил это место в уютный дом. Наша семья унаследовала его цех – но не его тепло, улыбочивость и великодушие. Я часто вспоминаю день его гибели. Вообще-то поездка, в которой его убили, выглядела странно еще до ее начала. Деда пригласили на именины – какой-то стародавний друг из Ершового Стана. Пригласили неожиданно, за пару дней до торжества. Но я не помню, чтобы дед ездил в Ершовый в прошлые года. Да и друга этого он раньше и не вспоминал. Вот и теперь даже имени не назвал. Чтобы поехать на именины, дед тогда отменил все дела и постоянно как-то странно посмеивался. Я-то видела, что он волнуется – но решила, что это из-за дурного руна, которое нам тогда из гильдии привезли. Деда в последние полгода начало сердце подводить, пара приступов случилась. Мы всей семьей отговаривали его соваться в Ершовый – да и вообще куда-то дальше цеха. Но ты же помнишь дедушку – он был тем еще чудаком. Если ему что-то в голову взбрело – его б и гора не остановила.

Хотя, может, потому он цех и сумел устроить. Я тогда поехала с дедом, но как его убили – не помню... Стража сказала, что деда просто хотели ограбить. Но кто решился на такое преступление – стражники так и не объяснили. Что-то в этом всем не сходится – я чувствую. Но сколько ни ломала голову – пока ответов так и не нашла».

Воз с ткацким станком остановили на огромной поляне у цеха. Хорунна примчалась к нему и застыла, не в силах отвести глаза. Гордай, его подружка, праздник с гильдейскими – все мгновенно стерлось из мыслей. Хорунна даже не заметила, как подняла вуаль, закрепив ее у рогов.

Это не те простенькие узкие станочки в цеху, которые уже на ладан дышали. У цеха теперь громоздилась серьезная, объемная машина. Не смея дышать, Хорунна замороженно провела ладонью по деревянному корпусу, по костяному челноку, на который наматается нить. Станок грел, как живой, – он станет ее новым напарником.

Глаза Хорунны запылали огнями. В рогатой голове каруселью пронесли пленительные картины. Возможности, будущее, прибыль. Признание. Да, конечно, станок еще предстояло испытать в работе, но... Глядя на него, Хорунна верила – нет, знала! – что в ткачестве его не превзойдет ни один другой. Он станет новой вехой в истории цеха.

Грубое руно превратится в нить, нить – в полотно, полот-

но – в сукно. Сколько труда ради ценной, плотной ткани. Шерстяные нити сплетаются в одно – так же здесь, в цеху, встречается их маленькая семья. Так же становится целым пара дюжин работников. По одной ниточки так тонки и ничтожны. А вместе они чего-то да стоят. Может быть, ее брат прав насчет союзничества? Впрочем, Деон всегда прав.

Работники стеклись поглазеть на обновку. Хорунна только сейчас поняла, что ее губы дрожат, а в глазах щиплет от слез. Она наклонила голову, чтобы никто из работников не заметил ее слабостей.

Может, с этим станком матушка наконец поверит, что Хорунна тоже настоящая сукновальщица. Что в будущем ей с братом не страшно передать цех. Что матушка может спокойно доверить им все, что нажили дед и она сама. Может, Хорунна тогда, наконец, увидит в материнских глазах одобрение. Нет, ей много не надо – легкий добрый кивок, намек на улыбку. Кроха гордости за дочь, кроха уважения. Ведь все, что делала Хорунна, она делала ради этого. Ради кивка главной женщины рода. Чтобы матушка больше не называла ее уродкой.

Рассеянно оглядываясь по сторонам, Хорунна побежала искать мать – не терпелось показать ей станок. Матиаш сказал, что видел хозяйку поодаль от цеха, на обрыве у речки Вязи.

Хорунна и впрямь застала ее там. Призрачный силуэт опасно качался у обрыва в зарослях жухлого бурьяна. Ветер

сиротливо трепал белое траурное платье. Надеть верхнюю одежду Долороса забыла. До жути отрешенный взгляд уставился в туман над Вязью. Она пока так и не смогла оправиться от гибели своего отца.

Женщина выглядела точно как дочь, только лет на тридцать с лишним старше. Обе они были худощавы, темноволосы, из народа серн. У обеих на рогах белым поблескивал свинец клейма.

Хорунна ухватила мать под руку, пытаюсь отвести подальше от ненадежного, сырого склона.

– Матушка, что же вы здесь мерзнете... Простынете на таких-то ветрах. Пойдемте к цеху, я велю вынести плащ, – осторожно заговорила Хорунна.

Она заглянула в бледное лицо матери. В тот день, когда загадочно погиб отец Долоросы, с ней случился удар. С тех пор половина ее лица онемела и больше не двигалась. Лекари говорили, что нерв в ее лице, может, омертвел навсегда.

Отрешенная Долороса не ответила дочери, но пошла с ней.

– Мне есть что вам показать, – заулыбалась Хорунна, не в силах сдерживать радость. – Думаю, вам придется по душе.

Они прошли к цеху. Хорунна тут же наскоро отчитала Матиаша, что тот позволил старшей хозяйке разгуливать без плаща.

Хорунна подвела мать к ткацкому станку. Грудь нетерпеливо вздымалась в ожидании одобрения.

– Ну? Как вам?! – чуть дыша, не выдержала Хорунна.

Ее взгляд не отрывался от лица матери, пытаясь поймать хоть какие-то всполохи чувств. Но их не было. Бледное лицо Долоросы застыло известковой коркой. Ее глаза немо уставились на механизм. Хорунна ждала – но не дождалась.

Их прервал низкий вой. Вопли одной из служанок всколыхнули осенний воздух. Дагда вразвалку ворвалась в ворота частокола. Как необъятная телега, она наталкивалась на рябинки у ворот.

Хорунна с досадой оторвала взгляд от лица матери.

– Там эти идут! Видать, по наши души! – запыхаясь, стояла рыхлая толстуха из народа моржей.

Морщинистая кожа Дагды походила на красную глину. Из-под губ выпирала пара небольших клыков, тупых и желтых. Жесткие волосы на голове торчали, как запутанная проволока. Мощные ноги больше напоминали плавники.

Служанку отправляли на ярмарку за товарами. Но, едва ворвавшись в цеховые ворота, она неловко рассыпала корзину с припасами.

– Да кто идет, Дагда? Можешь внятно объяснить?! – раздраженно потребовала Хорунна, подходя к служанке.

Та остановилась и, не успев отдышаться, забасила:

– Южанин длинный с евоной свитой. А он, понятно, по добрым делам не ездит!

Впрочем, объяснять дальше смысла не осталось: издали загнусавили рожки. Внутри Хорунны все обледенело – она

поняла, кто сейчас поднимался к их цеху. И наглый купчонок по сравнению с ним оказался бы просто подарком.

Но что такой, как он, забыл в их цеху?! Или это Гордай его натравил? Все чистородые копытные заодно!

Хорунна тут же послала Матиаша за братом, а сама скрылась за ближайшим суконным полотном, которое сушилось на раме. Слишком привыкла все время прятаться в цеху. Ни к чему такому важному гостю, который вот-вот сюда прибудет, лишний раз мозолить собой глаза.

Из своего укрытия Хорунна заметила мать. Та отошла к одному из висящих полотен и принялась отрешенно чесать его ежовой шкуркой. Казалось, для Долоросы сейчас вокруг никого не существовало.

Слуги предусмотрительно распахнули ворота, когда еще рожок звучал тихо. Его противный писк длился так долго, что успел осточертеть. Когда он уже оглушал, с улицы в широкие ворота повалили полужвери. Несколько стражников в кожаных доспехах, рожечники, другие незнакомцы – некоторые из них верхом на тотемных зверях.

Среди них Хорунна различила главу гильдии, к которому сегодня они с семьей должны были явиться на именины. Вяст из семьи Тэйте восседал верхом на пыхтящем тотемном носороге. Серый лоб и макушку Вяста прорезали два костяных шипа. А глава гильдии-то что здесь делал?

И, наконец, в ворота внесли ЕГО. Именно внесли – трое мужчин и одна крепкая женщина взгромоздили на плечи

мощный, дорогой паланкин. Хорунна уже знала, кто сидит внутри. Один из четырех верховных жрецов Земли.

Нет, это не был отец Гордая. Случись так, Хорунна благодарила бы богиню за явление достойнейшего из жрецов. Но нагрянувший гость являлся кое-кем иного толка. Совсем иного.

Вслед за паланкином вошел тотемный зверь жреца – жираф. Вся Глыбь знала его нежное заморское имя – Гиацинт.

Жирафа раздели в темный нарядный костюмчик, укрывший изящное тело и шею. Без него Гиацинт бы озяб в здешних краях. На хрупких ногах сверкали медные кольца. Едва миновав ворота, жираф тут же навалил здоровенную кучу. Но никто из слуг жреца даже не дернулся, чтобы ее убрать. По закону, все животные обязывались носить привязанные к тазу мешочки. Но, видимо, не зверь этого жреца.

Во двор стекалось все больше работников – цех встал. Сукновалы зашептались – каким это чудом сам верховный жрец вспомнил про их сукновальню?

У Хорунны, выглядывающей из-за полотна, противно защекотало в солнечном сплетении. Ничего доброго визит этого жреца не предвещал. Она нервно ухватила за черный камень, висящий на шее. Хорунна когда-то выдолбила его из скалы на своем складе. Этот камень был и цехом, и Ларец-горой одновременно. Осколок черной скалы стал ее талисманом.

Надоедливые рожки наконец смолкли. Паланкин опусти-

ли на землю. Перед ним один из слуг торопливо расстелил на дорогу новенький ковер.

Сначала из паланкина наружу показалось одно лишь копыто – отделанное кусочками черного обсидиана и подбитое искусной бронзовой подковой. А затем явил себя и жрец.

Неестественно длинный, худощавый. В лихорадочном взгляде мерцало что-то нездоровое. Бежевую кожу покрывали коричневые жирафьи пятна. Шею, длиннее, чем у других полузверей раза в два, обхватил ряд блистательных медных колец. Со лба к затылку тянулась узкая щеточка волос цвета корицы, а по бокам от них торчала пара жирафьих рожек. Из-за них жрец выглядел даже забавным – нелепым и совсем не страшным. Между рожек держался венец из костей предков.

Разделся жрец в кафтан самого торжественного из цветов – цвета чернозема. Наряд богатенького Гордая ни в какое сравнение ни шел с убранствами этого жреца. Его кафтан с длинными, до земли, рукавами считался последним пискom столичной моды. Руки в таком фасоне продевались сквозь прорези у локтей. Изысканный бархат лоснился синевой. Обсидиановый бисер лег на нем вычурным узором в виде бутонов калл.

Жрец опирался на изящную трость с костяным набалдашником в виде рогатой черепашки. Впрочем, трость ему понадобилась только для красоты – жрец был слишком молод, чтобы опираться на нее всерьез. Выглядел он лет на сорок.

Едва жрец вышел из паланкина, он тут же сморщил лицо с такой показной чувствительностью, что его мимике позавидовала бы любая актриса. Вынув откуда-то кружевной надушенный платочек, он взмахнул им в широком, нарочито грациозном жесте. А затем демонстративно поднес к носу. Да, на сукновальнях пахло животным жиром, щелочью и натруженными телами работников. Но не настолько, что не продохнуть.

Хорунна несколько раз скрытно бывала на судах этого жреца – посещать такие мероприятия считалось делом почетным и общественно-ответственным. Обычно судьи-жрецы вот так вот просто являлись в дом только по крупным делам. Но только не этот. Полужираф просто обожал лишний раз покрасоваться, зрелищно выйти в народ. Он жить не мог, когда на него не смотрели.

Издали завидев главу гильдии, Деон глубоко, с почтением кивнул пожилому полуносорогу. Деон, конечно же, понял, что подходить и здороваться по-настоящему сейчас не время.

Вьяст Тейте заметил приветствие. И брезгливо отвел тяжелую голову в сторону. Хорунна заметила, как побелело лицо ее брата.

Один из рожечников – из народа тушканчиков – сунул горн за пояс, прокашлялся и начал молитву:

– Царица Земля, черноликая Матерь. Госпожа северной стороны, зимы, безмолвия и твердей. Вскормление и погре-

бение – живот твой и спина твоя. Плодородие и могила – два зрячих копыта твоих. Стоишь ты ими крепко в миру среди ревнителей своих. Травы – власа твои. Глина – кожа твоя. Корни – вены твои. Камни – черева твои. Руды – сердца твои. Вырастила ты полузверей из зверей – овна и крота, дикобраза и скорпиона, червя и муравья. Выкорми нас, как кормила наших предков-зверей с начала времени. Одели рудами и самоцветами – каплями стылыми твоего млека. Утай нас в своем животе, как утаишь в последний раз в назначенный час. И будет повержен тот, кто не почитит имя твое. Ибо истина – в Земле.

Все до единого, кто слышал молитву, тут же низко нагнулись, коснувшись ладонью затоптанной соломы у цеха. Рожечник торжественно помолчал и продолжил:

– Пред вами предстал тот, кто несет Землю в копытах и рогах, в уме и животе. Хранитель тайн богини. Ее глас среди полузверей. Славьте одного из четырех верховных жрецов Земли – благородного Фергилия, сына Фавианы из семьи Бизель.

Рожки снова задудели – на этот раз, к счастью, коротко. С такими почестями могли бы представлять хоть самую царицу.

Но жрец застыл у паланкина с такой задумчивостью, будто говорили сейчас вовсе не о нем. Фергилий неторопливо, будто прогуливаясь, прошелся мимо частокола. Задержал брезгливый взгляд на траурных белых лентах, привязанных к острым бревнам.

Рядом с воротами торчал кол, а на него нанизан обезглавленный тетерев. Засохшая кровь обагрила деревяшку до самой земли. Все приличные семьи сейчас насадили птиц на колья в своих дворах или перед воротами. Так они показывали отвращение к крылатым мятежникам. В последнее время они окончательно разбушевались в Глыби. При взгляде на тетерева жрец одобрительно усмехнулся сквозь кружево платка.

Но дольше всего Фергилий глядел на цех. Недобрую тишину нарушало только скуление ветра да жалобное блеяние серн. Хорунна пыталась по лицу жреца понять, о чем он думает, но не смогла.

Затем все так же, прогуливаясь, Фергилий добрел до семьи Квинта, безмолвно застывших у цеха. Жрец внимательно и задумчиво оглядел Долоросу и Деона, не торопясь заговорить с ними. Пугающая тишина затянулась.

Наконец Фергилий оторвал платок от носа:

– Ты главная женщина рода? – тихо спросил он Долоросу, держась подальше от семьи сукновалов, будто их прокляли. Голос Фергилия гнусавил и звучал слишком высоко для мужчины.

Долороса не поднимала головы с тех самых пор, как он вышел из паланкина.

– Я, верховный жрец Фергилий.

– Это все члены семьи? – недоверчиво сощурился он, глядя на женщину и ее сына. Спрятавшуюся рядом, за полот-

ном, Хорунну он не видел.

– Да, это все, – кивнула Долороса.

– Как вас мало! – возмущенно взмахнул платком Фергилий. – Я знаю – должно быть трое.

Долороса повернулась к сыну:

– Зови уродку, – скорбно велела она.

Деон едва слышно цокнул языком, но смолчал. Не успел он и оглядеться, Хорунна сама показалась из-за сукна.

– Не надо никого звать. Уродка уже здесь.

Хорунна встала чуть поодаль от семьи. Она не смела поднять на жреца головы.

Внезапно подал голос глава гильдии. Побагровев, здоровый полуносорог Вяст гневно протрубел:

– Доколе чистокровцы будут унижаться, терпя близость таких, как!..

Вяст вдруг осекся, потому что Фергилий кинул на него ядовитый взгляд. Грозный верзила тут же съежился. Вместо него потянулся манерный голос Фергилия:

– Доколе чистокровные копытные будут унижаться, терпя рядом близость таких, как эта, с позволения сказать, семья! Наше культурное общество давно терпит под боком предателей крови – тех копытных, что осмелились сношаться с другими расами. И выроdkов, что расплодились от этих порочных союзов!

Фергилий перевел глаза на Хорунну. Что-то подсказало ей, что на именины к главе гильдии они сегодня не идут.

– Я знаю о вашей семейке все! Ваш почивший дедуля остался последним чистородым копытным в семье. Если, конечно, не считать твоего, Долороса, муженька. Но он просто сбежал от вас всех – и правильно сделал! Я бы на его месте поступил так же. – Фергилий обожал долгие, цветастые речи – все знали это по его судам в храме Земли. – Впрочем, для меня ваш дедуля такой же грешник, как и все вы, ведь он спутался с вашей бабкой. Кем там она была, напомните? Кто-то из водников? Рыба, ящерица? Не важно!

Сюда, на улицу стеклись уже все работники цеха. Народ обеспокоенно шептался. Тут же, рядом, с интересом пристроился Гордай – видно, не мог пропустить назревающий скандал.

Фергилий вальяжно прошелся мимо склонившейся семьи Квинта. Он старался ставить сверкающие копыта на места почище.

– К слову, давно мучаюсь любопытством: как же именно испустил дух ваш дедуля? А то, знаете, ходят всяческие грязные слухи. – Фергилий противно захихикал.

– Нашего деда убили крылатые... – робко подала голос Хорунна.

– Ну право же. Вы тут, я вижу, себе изрядно льстите, – снисходительно улыбнулся он. – Крылатые мятежники нападают только на благопристойные семьи. Чтобы возмутить народ, чтобы подточить основы общества! А до вашего деда дела никому не было. Я слышал совсем иную версию. С вами

ведь по той лесной дороге еще ехала совсем юная служаночка? Считай, дитя. Поговаривают, до незрелых девиц ваш дедуля был ох как охоч! Народ давно шептался о его извращениях.

Хорунна обмерла, не веря ушам. От возмущения у нее копыта в землю вросли. Она никогда не слышала, чтобы кто-то болтал о деде такую блажь. Все просто обожали господина Диодота – добродушного, верного слову, умелого дельца. Улыбчивый и простой – даже странно, что он родился копытным.

А грязь тем временем продолжала сочиться изо рта Фергилия:

– Никакие крылатые вашего старичонку не трогали. Думаю, дело было так – полез дедушка на девочку, попортил. А она его в пылу и заколола, чем под руку подвернулось. Делов-то – он же дряхлый. А потом и сама себя тоже кокнула. Все-таки стыдоба-то какая!

От несправедливости Хорунне будто небо на голову обрушилось. Горло сковало удушье. Все это казалось омерзительной шуткой. Честь ее дорогого деда просто втапывали в грязь, но против жреца Хорунна не могла вымолвить ни слова.

– Это неправда, – скрипнув зубами, вдруг поспорил Деон. Хорунна не узнала голоса брата – по звуку, это скорее трещала льдина.

– Ты был там? – вскинул брови Фергилий.

– Я – нет. Но она была. – Деон кивнул на сестру. – Хорунна, скажи жрецу Фергилию, что это все ложь!

Она стояла, готовая сквозь землю провалиться. Хорунна действительно находилась рядом, когда ее деда и служанку загадочно убили. Но дело в том, что... она не помнила, как все произошло. В памяти осталось все, кроме самого главного.

– Моего деда убили крылатые, – уперлась Хорунна. Но дрожь в голосе выдала сомнение.

– Покрываешь падшего родственничка, угу, – отмахнувшись, закивал Фергилий. – Небось сама держала за руки ту служанку – чтоб не рыпалась, пока старый извращенец ее бесчестил. Прикрыться крылатыми мятежниками – как удобно!

Хорунна не понимала, к чему Фергилий ведет все эти долгие, гнусные разговоры. Он повернулся к Долоросе:

– С дедулей все понятно. А вот ты! Тоже давно меня интересуешь. – Бледная Долороса, казалось, готова была сравняться с землей. – Скажи мне на милость, каким это образом нечистивица-полукровка смогла захомутать в мужья чистородого копытного? Ты так хороша в постели? Не поверю! Шантаж? Угрозы? Ведьмовство? Дай срок – я еще выведу тебя на чистую воду! Моя б воля – ты бы уже давно кормила в Вязи рыб. Ты и твои выродки!

Издевки Фергилия превратились в прямые угрозы. Хорунна слышала, что теперь власть обрели фанатики – ревни-

тели чистоты копытных родов. Но она не думала, что они зашли настолько далеко. Или за последнее время она так редко выходила в храм Земли? Там, на судах у Фергилия, начинались такие настроения, но сегодня он совсем разошелся. Вкусил власть. Ведь одним из четырех верховных жрецов Земли он стал не так давно.

– Шерсть – благородное ремесло истинных копытных. К коим ваша шайка никак не относится! К тому же до меня донеслись крамольные слухи, что для своих поделок вы начали использовать... Да простит меня Земля... Руно овец?! Царских зверей!

Фергилий начал задыхаться. Его узкая ладонь нервно замахала у лица.

Один из его прихвостней подскочил к господину. Это был юнец из народа рыб, сплошь покрытый голубой чешуей. Голову его рассекли несколько алых плавников, такие же торчали позади голеней. Прислужник тревожно замахал рядом со жрецом расписным опахалом из пергамента.

– Вам что, животных мало?! Плели бы свои нитки из коз! Ну или псов с кроликами, – возмущался Фергилий. – Уж такой наглости я и вообразить не мог! Впрочем, чего ждать от тех, для кого слово «Порядок» – пустой звук?

Фергилий траурно помолчал, будто это оскорбление вошло в самое его сердце. Но долго молчать он был не способен. Немного отойдя от скорби, он патетично продолжил:

– Вот решение верховных жрецов Земли на основании но-

вого закона. – Он задрал узкий подбородок. – К слову, этот закон предложил именно я. Так вот, мое... Наше решение! Заниматься ремеслами копытных отныне могут только чистородые представители этой расы! И вот какая жалость – последний чистородый вашей семьи превратился в костяшки. Так что теперь у вас некому распоряжаться цехом. Такая порочная, гнилая семья, как ваша, не имеет права более владеть сукновальней! Вы и так слишком высоко поднялись для клейменных. Заниматься шерстью – для вас слишком почетно. И слишком оскорбительно для настоящих копытных!

Фергилий крутанулся вокруг оси, будто обращаясь ко всему обомлевшему народу. Он вкушал мгновения безраздельного внимания, как изысканное яство. Фергилий объявил торжественно и громко:

– Совет жрецов приказал... разрушить цех! Он обратится камнем во славу богини Земли! А оборудование мы, пожалуй, вывезем. Цех уже не спасти – сам воздух в нем пропитан пороком! – Он с шумом вдохнул, раздувая мелкие ноздри. – Я чувствую грех, когда дышу этим смрадом!

Фергилий самодовольно оглядел окружившие лица, ища в них восхищение. И не мог не найти. Кто откажет в этом самому верховному жрецу?

Хорунна уже больше ничего не слышала, в ушах оглушительно звенело. Земля под ногами норвила перевернуться.

У семьи Квинта уже начинались проблемы с новыми фанатиками. То Деон приходил домой с ссадинами после дра-

ки. То в храме Долоросе подсыпали в карманы червей. Но они не думали, что все пойдет так далеко. Теперь, после смерти чистокровного деда, у совета жрецов появился повод изгнать их из собственного дома. А без одобрения гильдии запрещалось заниматься шерстью не только в их цеху – везде, где простиралось царство Земли.

Нередко полузвери занимались ремеслом своих народов. Полупчелы делали мед и воск. Полуптицы торговали пером, мясом и яйцами. Хищники продавали шкуры и клыки, использовали животных для извоза. Мелких зверьков разводили для доставки почты и посылок. Даже змеи и пауки умудрялись приносить пользу – их яды требовались врачевателем. Но никто не обязывался непременно связывать дело с расой.

Хорунна уже плохо соображала, что происходит. Она шатнулась, как перед обмороком. Крики брата звучали глухо, будто из погреба. Деон словно прочитал ее мысли:

– Чтобы ремеслами копытных занимались только чистые семьи – всегда было только пожеланием! Не законом! Наш дед выкупил это здание, сам в нем все починил и обустроил! Он жизнь на него положил. Как наша матушка, как мы все! И даже как наш отец...

Фергилий повернулся к Деону, удивленно вскинув покрашенные брови. Жрец поглядел на него брезгливо – как на жучка, которого забыли вовремя прихлопнуть. И ядовито процедил сквозь мелкие зубки – скорее, как змееныш, чем

как копытный:

– Будь моя воля, я бы еще тогда, двадцать лет назад, не позволил такому отребью даже коснуться шерсти. Но тогда я еще не пришел к власти. Ох и невежественные шли времена! Ну ничего. Теперь-то совет окультурит общество, подзабывшее земные заветы! Жрецы закрывали глаза на ваши дерзкие амбиции, пока вы были жалкой лавчонкой. Но теперь вы разрослись и в конец потеряли стыд!

– После смерти деда вы решили добить нас? Вы считаете, нам мало?! – кричал Деон. Хорунна не помнила, когда видела брата таким. – Мы почти такие же, как и вы!

Последние слова стали ошибкой. Матушка, до сих пор застывшая, как соляной столб, кинулась к сыну и зажала ему рот.

– Молчи! – яростно шипела она Деону в оленье ухо.

Тот раздраженно вырвался из рук матери. К Деону тут же, спрыгнув с тотемного волка, ринулся стражник и врезал по плечу рукоятью алебарды.

Фергилий помрачнел:

– Еще одно подобное слово твоего отпрыска, Долороса, – и я велю швырнуть его в темницу.

Мать добавила сыну звонкий шлепок по щеке.

– Он будет наказан суровее! Не сомневайтесь, верховный жрец.

Фергилий поправил длинные рукава, поджал губы:

– Выбора у вас нет. Вы либо преклонитесь. Либо... вашей

участи я не завидую.

На неестественно-красивом лице Фергилия растянулась ядовитая улыбка.

– Мы преклонимся! – судорожно закивала Долороса.

Деон нашел взглядом главу гильдии и яростно зашагал к нему.

– Так вот, с каким лицемером я трудился бок о бок все эти годы! Как ты мог, Вяст? Сегодня мы собирались идти на именины к твоей внучке! И как давно ты врешь мне прямо в лицо?!

К Вясту Деон так приблизиться и не сумел – стражники быстро перекрыли дорогу алебардами. Полуволок тут же скрутил и поставил Деона на колени.

– Именно так, на коленях, вам и следует слушать мои указы. – Фергилий, не отрываясь, наблюдал за происходящим. Его распирало от самодовольства.

Все перед Хорунной плыло, как в тумане. Она никогда не видела своего степенного брата таким отчаянным. Когда стражник связал ему руки, Хорунна поняла – теперь они не отпустят Деона. Ну зачем, зачем он говорил с Фергилием так дерзко! Где жрецы и где они, простые сукновалы!

В глазах у Хорунны почернело. На миг она почти лишилась сознания и начала падать. Но чудом сумела удержаться на ногах и заставить себя стоять.

Фергилий кротко улыбнулся:

– Возможно, совет позволит вам мыть свиней или пасти

стадо. Если, конечно, вы покоритесь. Не благодарите за честь трудиться со почтенными копытными животными, – отмахнулся Фергилий. – А если же не склонитесь – сошлем вашу поганую семейку подальше на северные рудники. Прямиком к осужденному крылатому отребью – там они вас в клочки растерзают. Говорят, на дальнем севере комарье с ладонь – прямо-таки сбивает с ног. А из деликатесов одни лишайники.

Жрец тем временем быстро вынул из кармана крохотное зеркальце, окаймленное медными загогулинами. Фергилий мельком глянул в него – как он там смотрится, в такой торжественный момент? Не размазалась ли краска на лице? Не растрепались ли умасленные волосы?

– Я щедро дарю вам один день и одну ночь, чтобы вы оставили цех, – распорядился удовлетворенный Фергилий. – Покиньте богомерзкое место! Иначе вас выволокут отсюда силой.

Махнув расшитой полой кафтана, Фергилий повернулся к столпившемуся народу:

– Работники цеха, обращаюсь к вам! Вас никто не винит за труд у нечистивцев. Начинайте подыскивать новые места. Советую обратиться к главе Гильдии шерстяных дел – Вясту из семьи Тейте из народа носорогов! И помните великодушие, которое проявили к вам жрецы Земли!

Половина работников цеха тут же ломанулась к главе гильдии за новой работой. Как сквозь туман Хорунна виде-

ла, как туда рванула поломойка-мышь Тики, что грозилась захомутать Деона. Юнец Тайо из зебр, толстуха Дагда и даже Матиаш из бобров.

Уволенный пьяница Джуро гордо восседал верхом на здоровой тотемной панде, прячась за спиной главы гильдии. Джуро с самого начала явился сюда вместе с ним. И теперь глядел на семью Квинта с победным злорадством на черно-белом лице.

Илке, пряха из мотыльков, под шумок юркнула за ворота с котомкой вещей. Хорунна поняла – она не вернется.

Фергилий раздраженно дернулся к частоколу и сорвал с него одну из белых лент.

– И довольно скулить о почившем дедуле! Месяца вам хватило. Пора завершить траур!

Все это время Хорунна не могла сдвинуться с места и даже толком поднять головы. Горло онемело, будто в него засыпали камней. Голос заперли глубоко внутри. Не только сегодня – уже много лет.

Хорунна стояла и смотрела, как ее лишают последнего. Дома. Второго имени. Смысла. Она не могла ни отстоять честь деда, ни защитить единственное убежище.

Ради цеха ее дед и родители продали все. То сукновальня горела, то ее обворовывали, то дело не шло. Семья годами поднимала производство. Поначалу брались за любой жалкий заказец, называли самую низкую цену, лишь бы об их сукне просто узнали. В цеху она и Деон и сами труди-

лись сызмала. И вот, много лет спустя, сукновальня расцвела. Несмотря на кучу препятствий, несмотря на грехи Квинта. Качество сукна возвысилось над дурной славой их семьи.

По жилам Хорунны ядом засочился гнев. Нет, сейчас она ненавидела совсем не Фергилия. Она презирала себя – за беспомощность.

У нее заболело сердце за брата: ну зачем он повел себя так безрассудно и дерзко?! Он ничего не изменит и только себе навредит.

Все это время один из стражников едва ли не прыгал на месте, будто в радостном нетерпении. Он походил на бурлящий котелок со стучащей крышкой. Стражник принадлежал народу обезьян-мандрилов. Красный нос, голубые щеки, рыжая грудь – он был голым по пояс. Низкорослый страж с мышцами-валунами казался квадратным. Никакого ума в лице полуобезьяны не читалось – зато силы явно было не занимать.

– Можно? Уже можно? – тихонько канючил он.

Глаза стражника горели огнями неприкрытого безумия. Улыбаясь, Фергилий чинно кивнул ему. В глазах жреца мелькнуло извращенное наслаждение.

Стражник словно с привязи сорвался. Он издал дикий вопль и, занеся алебарду, побежал на ткацкий станок.

В голове Хорунны помутнилось, будто она разом выпила чарку наливки. Не помня себя, она рванула к станку.

– Не надо! – Собственный крик задрезал, как чужой.

Хорунна даже не поняла, как оказалась рядом с ткацким станком, как бросилась на него всем тонким телом. Распахнула над ним плащ, пытаясь закрыть, как мать младенца.

Но разбежавшийся стражник из обезьян и не думал останавливаться. Еще на бегу, за пару шагов до станка, алебарда начала медленно опускаться в его мускулистых руках. В последний миг кто-то за плащ, за рога отволол Хорунну со станка. И тут же на него обрушился грузный топор алебарды.

С удивительно детским гоготом стражник молотил станок снова и снова. Легко и задорно – как игрушку. Рама ткацкого станка тихо рыдала от боли, будто ломались кости, а не древесина. Вокруг брызгали щепки. Очень скоро станок превратился в бесполезное деревянное месиво.

Хорунна даже не заметила, что валяется на утоптанной соломе двора, на которую ее откинули со станка. Она медленно поднялась на копыта. Но уже не клонила головы к земле. Разноцветные глаза, не моргая, глядели на станок, который теперь годился лишь для растопки. Ее станок. Ее будущее. Ее мечты только что разлетелись в щепы.

Хорунна перевела взор на Фергилия. Заглянула прямо в его накрашенное лицо, совсем забыв, что подняла вуаль.

В этот миг Фергилий случайно поймал ее взгляд. Невыносимая, невидимая ледяная молния прошла между их глазами. Жрец испуганно вздрогнул и отшатнулся, наспех отводя глаза. Он тут же оступился, на ровном месте подвернув копыто. Но, наверное, до конца не подумал связать это со

взглядом Хорунны.

– Вели своей помеси опустить голову! Глаза долу! – брезгливо крикнул Фергилий Долоросе. Его голос дрогнул. – И кто ее только научил пялить на жрецов свои безобразные глаза?

Спохватившись, Хорунна тут же опустила вуаль. Впрочем, даже так она больше не осмеливалась смотреть на Фергилия. Но перед этим она заметила мелькнувший в его лице... страх? Впрочем, боялся ее глаз жрец или нет – какая разница, если в его руках власть над столицей.

Мысли вдруг собрались в одну точку, как наконечник стрелы. В голове всплыло то, чему пытался научить ее брат все эти годы. То, что сегодня он позабыл и сам, – искусство речи.

– Достоянейший из копытных, – вдруг заговорила Хорунна. – Простите за то, что вам приходится смотреть на такую, как я. Будете ли вы благосклонны и дадите ли слово помеси?

Сейчас Хорунна совершенно не узнавала себя – за нее будто заговорил брат. Это умение просыпалось в ней слишком редко.

Хорунна попала в точку – лицо Фергилия действительно смягчилось. Он едва заметно кивнул. Впрочем, и Хорунна не просто ткнула пальцем в небо. На судах жреца она уже успела понять, от чего тот добреет или гневается. И она помнила, как загорались глаза Фергилия от обожания и лести. Или когда ему удавалось кого-то унижить.

Деон был прав насчет искусства переговоров. Слово служило ему верным оружием – до сего дня. И сейчас Хорунна подняла с земли меч брата, который он выронил так неосторожно.

– Конечно, мы не равны вам, истинной расе Земли. И быть равными не сможем никогда. Мы ошибочны по своей природе – особенно я, помесь. Но до меня доносились слухи, что порой совет менял мнение о таких, как мы. Что он прощал наш грех. Что, если верховный жрец великодушно позволит мне все исправить? Я готова на все.

Долороса кинулась зажимать рот и дочери, но Фергилий небрежным жестом отогнал женщину. Долороса тут же повиновалась, как тряпичная кукла.

Хорунну трясло от напряжения – впервые в жизни она заговорила со жрецом Земли. Губа снова задергалась. От такой же нервной дрожи в бровях, в щеках страдала ее мать – задолго до того, как ей парализовало пол лица.

Несколько мгновений Фергилий с интересом разглядывал Хорунну, будто только что увидел ее впервые. Фигурные брови жреца поднялись в изумлении – он едва сдерживал усмешку. Исподлобья Хорунна поглядывала на Фергилия.

– У нашей дурнушки прорезался язычок? – издевательски ухмыльнулся он. – Ты желаешь все исправить – а что ты вообще можешь? Ты всего лишь слабая некрасивая девочка. С тобой даже мужчина развлечься не пожелает. Тебя разве что с бродячим цирком возить!

Хорунна с болью проглотила позорное оскорбление, сказанное при всем честном народе:

– Я сделаю все, что понадобится. Позвольте мне вернуть честь семьи. – Хорунне вдруг стало совершенно наплевать, что станет с ее судьбой. Лишь бы спасти цех. Лишь бы семья работала на нем, как раньше.

Красивое лицо Фергилия сморщила злая гримаса. Его настроение менялось чаще, чем наряды танцовщиц в трактирах.

– «Вернуть честь»? Невозможно вернуть то, чего никогда не было! – оскорбился он.

Впрочем, жрец не переставал оценивающе разглядывать Хорунну. Он будто пытался прикинуть, на что она может сгодиться. Хорунна взмолила богиню, чтобы так оно и оказалось. «Я готова на что угодно. На что угодно», – вертелось в ее голове.

Хорунна осмелилась взглянуть на жреца. Фергилий уже беззастенчиво улыбался, неотрывно глядя на нее. Хорунна поняла, что он явно что-то придумал. Она увидела в лице жреца... согласие?

Лениво приоткрыв маленький рот, Фергилий наконец заговорил. Так мягко, даже ласково, что до Хорунны не сразу дошел смысл его слов:

– Ты не нужна мне. И не нужна никому. – Он нежно улыбался. – Ты никто. Пустое место. Ты не способна принести никакой пользы.

Что-то внутри Хорунны безнадежно рухнуло. Ей захотелось навсегда исчезнуть, как шерстинке в отработанном вальтельном ручье. Она поняла, что речь, оружие брата, оказалось ей совсем не по плечу.

Фергилий уже повернулся к Хорунне спиной – видимо, наговорился с народом. Но она продолжила – снова совершенно внезапно для себя самой. Еще с утра Хорунна под страхом смерти не осмелилась бы перечить самим жрецам. Но теперь мысль потерять сукновальню сводила ее с ума.

– Если я не ошибаюсь, достопочтенный жрец... Любой новый закон вступает в силу только с ночи, когда зима становится весной. В начале года. – Она помнила это по новому закону, запретившему крылатым летать.

Фергилий напряженно замер, не поворачиваясь.

– ...а до начала года еще три луны, – закончила Хорунна.

Жрец развернулся к ней – медленно, слишком медленно.

– Кто ты такая, чтобы торговаться со мной? – процедил он сквозь зубы так, что по телу Хорунны пошла дрожь. Она только сейчас заметила, какими мелкими и острыми казались его зубы. – Чтобы я заключал с тобой какие-то сделки? Шел на уступки?

Казалось, от напряжения вот-вот заискрится воздух.

Совершенно неожиданно из-за Фергилия раздался хрип стражника, сидевшего верхом на тотемном волке. Рядом тот держал Деона, который все еще оставался на коленях. Голос стражника звучал негромко – Хорунна даже не сразу поняла,

о чем он говорит.

– Формально девчонка права, – неохотно просипел он. – По закону, мы должны дождаться весны.

Полуволк выглядел так, как будто происходящее ему и самому против шерсти. Хотя ему-то какое дело?

Фергилия начало колотить от злости, как промокшего цыпленка под дождем. Он не знал, на кого сейчас излить свой гнев. Наконец, жрец выбрал для кары стражника:

– Я здесь закон! – взвизгнул Фергилий. – Ты тут не для того, пес, чтобы твякать! Тебя сюда взяли для грубой силы. Вот и исполняй! Или взыграла кровь неотесанных предков, раз решил идти копытным наперекор? Прошли те дикие времена, когда ваше кровожадное племя истребляло наше культурное копытное сообщество. Теперь все по справедливости! Власть у тех, кто действительно ее заслужил. Власть у цивилизованных!

Полуволк больше спорить не стал – рассеянно пожал плечами, проворчал нечто вроде «обязан сообщить». Он весь ссутулился и притих.

Внимание Фергилия вновь обратилось к Хорунне. Она поняла, что теперь никакая дипломатия ее не спасет. Требовалось рискнуть еще сильнее. А что она теряла? Все равно без цеха ей не жить. Она вновь подала голос:

– Да, я помесь. – Глаза Хорунны на миг остекленели, а челюсти сжались. – Но еще я ношу святое имя. Слово «Хорунна» – не пустой звук. Я родилась в святое время. Каждый

полузверь – не только копытный – уважает эту традицию.

О том, что Хорунна носила святое имя, все предпочитали напрочь забывать. Еще бы – такой позор. Святое имя – да уродке досталось! Она и сама этого никогда не вспоминала. Но сейчас настал именно тот момент, когда стоило воскресить это в памяти.

Традицию святого имени чуть ли не единственную чтили во всех четырех царствах. Оно давалось только тому, кто родился на стыке зимы и весны, ночи и утра, на заре нового года. Лишь минута открывала врата для рождения полузверя со святым именем. Оно означало «перелом». Кто-то даже верил, что нареченные Хоруннами одной ногой стояли в мире полузверей, а другой – в мире духов.

Жрец явно замешкался. Тонкие губы скривились и дрогнули. Он тревожно покосился вокруг. Фергилий усиленно пытался понять, что сейчас думают полузвери, – это у него всегда хорошо получалось. Он не мог ударить в грязь лицом. Тема скользкая – прямо оскорблять святое время было плохой идеей, даже в разговоре с грязной семейкой.

Народ замороженно замер, ожидая, что же случится.

– Не учи меня традициям, девочка! Я знаю их получше тебя, – уже не так уверенно ответил Фергилий. Его высокий голос почти перешел на визг. Глазенки суетливо бегали по сторонам. – Это ничего не меняет! Или ты теперь все грешки станешь именем прикрывать? Так ты скоро себя и равной богине возомнишь! Не забывай свое место. Помни, кто ты на

самом деле – вырожденка, издевка природы. А святое имя тебе досталось по нелепейшей случайности!

Кажется, говорить Фергилий, как всегда, мог бы еще долго. Если бы в ворота не вошла та, кого встретить уж точно не ждали.

Она восседала верхом на здоровенном лосе. Пышнотелая, рослая, глубоко беременная. Несмотря на положение, жрица Рогатого духа совсем не боялась ездить верхом. На ее голове раскинулись мощные лосиные рога – оставалось непонятно, как она выдерживает такой вес. Концы рогов выкрасила жидкая медь. Складки густо-зеленого платья обхватывали дородное тело. Жрица выглядела ненамного старше Фергилия.

Казалось, жрице Рогатого храма ничего не стоило выглядеть по-настоящему царственно. От нее исходила такая неподдельная мощь, что Фергилий сразу показался рядом с ней нескладным, капризным мальчонкой. Хилый орешник в тени коренастого бука.

Молва о жрице Рогатого храма ходила по всей Глыби. Она пережила двух мужей. Болтали, будто супруги так боялись ее силы, что предпочли лечь в скорбную постель богини Земли, чем в ее.

В утробе жрица носила девятое дитя. На косточке над каждым пальцем темнело восемь вытатуированных точек – по числу рожденных детей. Такие точки делали себе все в царстве Земли – и женщины, и мужчины.

Откуда у жрицы взялись последние двое детей – никто не знал. Ее последний муж захлебнулся в Вязи еще до их зачатия. Впрочем, одиноких матерей порицать не смели. Их отцами считались сами Звериные духи. Одинокая мать могла рассчитывать на уют и полную помощь жрецов. Материнство свято и неприкасаемо, ведь уподобляет богине.

В мире духов жили не только боги четырех стихий – там обитали еще и духи каждого из Звериных тотемов. И единственной силой в Глыби, которая могла хоть как-то противостоять жрецам Земли, были служители Рогатого духа.

По закону Земляные жрецы стояли выше, именно они управляли светской жизнью царства. Ведь богиня Земли была куда важнее и старше духов Зверей. Жрецы Земли владели умами народа, они вкладывали в головы науки и законы. Вмешивались во все дела и проблемы царства, вели суды.

В то время как жрецы Звериных тотемов владели сердца-ми. Их уделом стала жизнь ритуальная, тайная, интимная. К ним обращались, чтобы найти пару, провести свадьбу или погребение, принять роды, следить за беременностью, получить мудрый совет. Многие из них умели врачевать. В народе жрецы – и особенно жрицы – Звериных духов пользовались каким-то мистическим расположением. Их таинственные ритуалы вызывали трепет.

Но как ни крути, власти у последних осталось куда меньше. Тотемные храмы постепенно умирали. Каждый год в Глыби разрушали храмы Зверей – кроме тех, где молились

Рогатому духу.

Жрецы Земли терпеть не могли Звериных – ведь последние могли разделить народ, сбить его с пути объединения верой Земли. Звериные отличия стали пережитком варварских, диких времен. Если все равны – то никакие храмы, кроме Земляных, не нужны. Жрецы Земли мечтали стереть полужвериные отличия, уподобив всех своей богине. Единство противилось Зверю.

Жрецы Земли считали Звериных обычными шутами и кривляками – тарабанившими в бубны и тупеющими от дурманых дымков. Терпели только храмы Рогатого духа. Ведь всем известно, богиня Земли – женщина-корова.

Народ уважал и любил жрицу Рогатого духа. Многие жалели, что она не пошла по пути служения Земле, чтобы теперь руководить светской жизнью Глыби и окрестностей.

И теперь жрица прибыла к цеху. Несколько последних минут она, прислушиваясь, таилась за воротами – и вот решила войти.

– Неужто не уважишь святое имя, Фергилий? – Грудной голос жрицы прокатился по двору низкими раскатами. Даже негромкие, они пробирали до нутра. – Это и мое имя в том числе.

– Жрица Хорунна... Что ты тут делаешь? – Фергилий явно занервничал.

– Да вот пришла посмотреть, как ты тут вершишь... правосудие. – Полные губы жрицы тронула легкая усмешка.

За ней вразвалочку проковылял хромоватый толстячок-слуга. Он принадлежал народу коал: здоровые пушистые уши, крохотные глазки, серая кожа.

– Я уважаю святое имя. Но эта семейка не заслужила поблажек! Ты ведь и сама о них слышала. – Фергилий нервно ерзал, будто в штаны ему запустили жука.

Хорунна не отводила от жрицы восторженных глаз. На ней даже святое имя звучало величественно, по-царски. А на Хорунне... Святое имя она будто украдала.

Ее лось величественно прошелся мимо частокола. Жрица закатила глаза:

– Рушить цех – что за варварство! Надо дать этой семье шанс. Пусть девушка покажет себя. Видишь же, она не так проста – как и все Хорунны, – улыбнулась жрица.

– Из этих шансов у них все равно ничего не выйдет! – не то шипел, не то пыхтел Фергилий. Его лицо побагровело. – Три месяца ничего не решат. Только отсрочат неминуемое! Эта семейка всю жизнь провела под клеймом. Разве три луны смогут сотворить чудо? Что может изменить такой жалкий срок?!

– Да, эта семья запятнала достоинство нашей расы. Но Рогатый дух все равно живет в них, пусть и... в искаженном виде. Да и кому станет лучше от разрушения цеха? Богиня Земли и ее верный слуга – Рогатый дух – прежде всего, кормильцы и строители. Не разрушители. И эта семья служит обществу сукном. – Раскинув полные руки, жрица обрати-

лась к народу. – Ну же! Разве кто-нибудь здесь желает, чтобы цех разгромили?

Полуволк, хмурый и злой, снова что-то хрипло буркнул – это походило на недовольство. Но на этом все.

Внезапно свой дерзкий голос проявил тот, о ком Хорунна успела напрочь забыть – купец Гордай. Он шагнул вперед развязно и нагло, как и прежде.

– Жрец Фергилий! А как же другие нормальные копытные, завязанные на этих сукновалов? Им вы тоже готовы подпортить дело? Я рассчитывал на эту торговлю! Дела у грешников шли отлично – несмотря на репутацию. Взяли качеством. Вы же не станете портить дело такому, как я? Вы ведь не единственный жрец Земли в совете! – Гордай намекнул на своего отца.

Фергилий уже побелел от злости:

– А ты и вовсе не жрец, – проскрипел он зубами.

– Ну это пока! А там кто меня знает – может, пару раз еще палки в колеса вставят – и надоест торговать. – Гордай развязно потрянул бурой гривой. – Рвану я тогда к вам, в жрецы, судьбы вершить! Кажется, я уже понял, как это делается. Я, знаете ли, весьма талантлив.

– Заступаешься за тряпье, пропитанное грехом! Я никогда не носил их сукна, – тихо шипел Фергилий.

– А я носил. И знаете, одно из лучших в царстве. Эти недокопытные знают свое дело, – хмыкнул Гордай.

Жрица вновь подала голос:

– Кто я такая против закона, против величественного жреца самой Земли? – лукаво склонила она рогатую голову. – Но надо дать этой семье шанс. Шанс моей тезке. Пусть это станет моей личной просьбой, Фергилий.

Полужираф злился и беспокоился. Он явно не ожидал внезапного явления жрицы и смуты, которую она внесла.

Быстрым, опытным взглядом Фергилий обежал глазами собравшихся. Они тревожно шептались, по лицам гуляло сомнение.

Даже глава гильдии теперь уже не знал, за кем идти – за Фергилием или за Рогатой жрицей. Полужираф слишком ценил народную любовь, чтобы сейчас потерять хотя бы ее часть. Уж очень любил нравиться.

Фергилий, чуть ли не зеленый от переполнившего его яда, повернулся к семье Квинта:

– Ровно три луны, отщепенцы! Я вернусь через три луны. И своими руками разворочу киркой вашу богодельню! Лично я абсолютно не верю в то, что ты, помесь или хоть кто-то из вас на что-то способны. Благодарите жрицу Хорунну! У нее слишком мягкое сердце. – Злобно щурясь, Фергилий поглядел на жрицу-лосиху. – Интересно, до чего может довести такая мягкость? Скоро, быть может, мы сядем распиывать сидр вместе с крылатыми мятежниками?

Фергилий злобно сплюнул на землю.

Хорунна все глядела на свою тезку и не могла понять – почему? Почему она ей помогает? Полный недоумения взгляд

вопрошал жрицу сквозь вуаль. А та только стояла, глядела ей прямо в глаза и мягко, загадочно улыбалась.

– Ты еще поможешь мне. Ты и твой безрогий друг – Звериный дух так мне поведал, – ответила жрица на незаданный вопрос. Ее голос звучал негромко, но Хорунна все поняла – почти прочитала по губам.

– Ну что встали, как вкопанные? Целуйте ручки своему благодетелю! – скривился Фергилий.

Хорунна бросилась к жрице. Но вовремя опомнилась, когда жираф выставил свою обтянутую перчаткой руку. Она резко остановилась и опустилась перед Фергилием на колени. Ее дрожащие губы коснулись холодной перчатки. Жрец безгласно отдернул кисть и торопливо обтер ее кружевным платочком, будто Хорунна могла его заразить.

Позади послышался голос Долоросы:

– Перстень. – Хорунна растерянно обернулась. Она не поняла, о чем говорит мать.

– Благодарно отдай жрецу Земли свой перстень, – повторила Долороса. Ее голос дрожал плохо скрываемым раздражением.

Хорунна носила дедов перстень на шее, чтобы он не испортился в сукновальном труде. Она достала из-под одежды цепочку. Сиреневый аметист окаймляло нежное серебро. Откуда дед достал этот перстень – оставалось тайной. В царстве Земли ювелиры такое не мастерили. Отчего-то дед дорожил этой вещицей сильнее всех других.

Взглядом Хорунна взмолила мать, чтобы главная женщина рода отменила свой приказ. Но в глазах Долоросы сквозило нечто такое, чему Хорунна не могла противиться – обещание скорого наказания. Если Хорунна отдаст перстень – строгого. Если не отдаст – жестокого.

Дрожащие пальцы с трудом сняли аметистовое колечко. Цепочка не поддавалась, не хотела прощаться с украшением.

– Прошу Земляного жреца принять дар нашей семьи, – все еще стоя на коленях, Хорунна протянула Фергилию перстень. Она понижее склонила голову – чтобы слезы не катились по лицу, а сразу падали в землю.

Глава 5. Сарай

До разрушения цеха 3 месяца

«Матушка всегда любила выдумывать мне изощренные наказания за любую мелкую провинность. Иногда даже за несуществующую. То я должна была стоять коленями на мелких камнях. То вместе со мной она всю ночь молилась, запрещая смыкать глаз. То заставляла часами стоять с вытянутыми руками и следила, чтобы они не опускались. Когда же ты вспомнишь про меня? Когда оторвешься от своих дурацких важных дел?! Когда заберешь отсюда?»

Хорунна полувслепую царапала письмо гвоздем на подгнивших досках пола. Буквы выходили кривыми, часть вообще не получалась. Вокруг сгустилась полутьма, грязная солома колола лицо. Из рта вырвалось слабое облачко пара – сарай выстудила осень. Уже второй день она валялась здесь, запертая. Кара главной женщины рода за то, что Хорунна посмела дерзко говорить со жрецом Земли.

Ее лихорадило и трясло, тело горело от жара. Совсем скоро после того, как Фергилий ушел, ее подкосила простуда. Для чего Хорунне силы, если, скорее всего, цеха скоро не станет?

От голода сводило живот. Все корили Хорунну за худобу – но как она должна располнеть с такими-то наказаниями?! Тонким полусернам и без того непросто накопить жир.

Что-то заскреблось в дверь со стороны улицы – будто маленькие колючие когти тихонько царапали деревяшку. Хорунне было совершенно наплевать, кто там снаружи. Наверное, зверь выбежал из Сухоборья в поисках еды – здесь такое случалось.

Скрежет то затихал и вовсе прекращался, то становился навязчивее. Снаружи глухо забряцала чугунная ручка – кто-то дергал ее, будто пытаясь открыть.

Лязг звучал все нетерпеливей. Хорунна в недоумении оторвала голову от соломы. Стало ясно, что это не зверь... Значит, там сейчас стоял кто-то чужой. Свои знали, что дверь заперта снаружи на ключ.

Лязг резко стих. Воцарилась неестественная тишина. Хорунна уже почти успокоилась и легла обратно на солому. Как вдруг спокойствие нарушил тоненький, противный скрип двери. Она открылась. Но Хорунна не слышала, как поворачивался ключ.

Сквозь дверной проем лился свет полной луны – неестественно яркий, даже фосфорный. В проеме закопошилась

чья-то скрюченная фигура, гнутая, как коромысло. Хорунна хотела вскочить с места, но тело повиновалось слабо. Слабее, чем при обычной простуде или голоде.

– Знаю-знаю. Не любишь меня, – противно прошепелявил тихий голос. Хорунна даже не смогла понять, мужской он или женский. – ...маленькая соплюшка.

Хорунна оторопела от такого приветствия. Она присмотрелась – горбатая фигура принадлежала старухе.

– Я вас не знаю. Идите прочь, кем бы ни были, – прохрипела она. Горло раздирала простуда.

Старуха похихикала – будто противно заскрежетала когтем по стеклу – и неуклюже присела на копну сена.

– Вот так вот старайся, даешь им свои семечки, а они... У-у, неблагодарное племя! Семечки-то ценненькие, отборненькие.

– Какие семечки? Вы кто?! – совсем растерялась Хорунна.

– Ка-ак? Не признала?! – ахнула старушонка так обиженно, что на миг Хорунна даже устыдилась. Она начала перебирать в голове знакомых старух. – Все только и знаете, что бранить меня да пилить! А хоть бы раз спросили – почему я так сделала?

– А что вы сделали?.. – недоумевала Хорунна.

– Эх. Несмышленка ты еще! Головешкой-то, конечно, в деда пошла. Скудный умишко-то твой еще так ничего и не понял.

Хорунна начала злиться:

– Что вы себе позволяете! Я вас в свой сарай не приглашала. Либо говорите ясно, либо уходите!

Незнакомка покачала головой, будто разочаровавшись:

– Личико у тебя мое, детонька. Щечки мои, ручки мои. Зубки скоро тоже станут как у меня. Бабуленька ж я твоя родная – кровь от крови, косточка от косточки! Ну иди ж к старушечке, обьемемся! – Кряхтя, скрюченная фигура поднялась, и на нее упал лунный свет. Только сейчас Хорунна смогла разглядеть старуху.

Уродливая, сморщенная, она походила на гнилую сливу – или на чернильную кляксу. Руки и ноги изрезали поперечные бороздки, как у ее предков-пиявок. На лице протянулись полосы из пятен цвета болотной тины. Зрячим у нее остался только один глаз, другой скрыло веко.

Старуха из народа пиявок – какое зрелище отвращало бы сильнее? И из какой только канавы выползла эта хрычовка?!

От брезгливости и страха Хорунна забилась в угол.

– Вы не можете быть моей бабкой! Моя давно померла, к счастью...

– Радуйся – жива, жива твоя бабуленька! Ну иди сюда. Поцелуемсо! – Страшная карга широко раскинула руки, ковыляя к Хорунне.

– Вы пиявка! А у меня другие корни, из других водников!

– Ох, не знаешь ты своих корней, дитятко! Вот я тебе все и расскажу. И даже покажу!

– Поди прочь! – Хорунна в страхе вжалась в стену. С по-

лупияками шутки плохи. Все знали, что от звериных предков они сохранили любовь к крови.

Старуха разочарованно опустила руки. В голосе послышалась угроза:

– Ах, значит, вона как заговорила. Не желаешь бабусю приветить. Ну тогда давай сразу к делу, внученька!

Бабка рванула к Хорунне с поразительной для почтенных лет скоростью. Только что она казалась хилой и дряхлой, будто вот-вот развалится. А теперь костлявые руки схватили Хорунну за голени крепко, как щипцы. Полупиявка рванула на себя копыта Хорунны и потащила через весь сарай.

Хорунна простуженно кричала. Она пыталась лягнуть каргу, но та проявляла удивительную силу.

– Ну что за мблodeжь пошла. Никакого уважения к старости! – цокнула языком бабка, выволакивая Хорунну из сарая. – Как-никак, это я – главная женщина твоего рода.

– Меня услышат! Меня хватятся! – вопила Хорунна. Она ждала, что вот-вот ее крик перебудит весь дом. Но никто так и не поспешил ей помочь. – Део-о-он! Якко!

Но брата забрали в темницу, а друг не мог ее услышать.

– Горлышко-то не дери так! И без того болезное.

Старуха все дальше волокла Хорунну по траве. Платье задралось, ногти бороздили землю. Ветки и камни до крови царапали руки. Хорунне удалось схватить какой-то булыжник и швырнуть его в старуху – но той было хоть бы хны. От злости Хорунна зарычала.

– Вижу уже зернышки твои терновые! Еще увидишь, как мы с тобой похожи. Увидишь – ты такая же потаскушка, как и я!

– Чокнутая кровососка, – хрипела Хорунна. – Только отпусти – я тебя копытами затопчу!

Старуха дотащила ее к ручью, который вытекал из цеха после сукновальных колес.

– Таких девочек, как ты, я, бывало, ела! Когда везло. Как весело похрустывали на зубах их маленькие, сладкие хрящички, м-м-м! Ну прямо семечки. Тебе б тоже понравилось. Но ты не волнуйся – тебя я не съем! Ты ж роднулька моя. Своя, пиявичья, кровь – она ж невкусная совсем.

У самого ручья старуха остановилась. Крюки пальцев прижали горло Хорунны к земле. Карга наклонилась совсем близко и замерла, вглядываясь в ее лицо.

Взгляд единственного мутного глаза всосался Хорунне в нутро. Секунда за секундой он выскребал ее изнутри, как дочиста выедают из скорлупы яйцо. Рот карги медленно изогнулся в безобразной улыбке. Он растянулся неестественно широко даже для полупиявки.

От ужаса Хорунна будто выросла спиной в землю. Она не могла оторвать глаз от жуткого рта. Его набили ряды мелких колючек, которые складывались в узор, словно цветок скверны.

– Теперь ты принадлежишь мне. И не противься, детонька! Сейчас покажу твои зернышки. Сейчас ты у меня все

увидишь! – грозилась старуха с каким-то изошренным удовольствием. Ее толстый, склизкий язык в предвкушении облизывал иссохшие губы.

Хорунна и сама не поняла, как целиком оказалась в ручье. Старуха забралась на нее и всем весом прижала к каменистому дну.

Вода обожгла пронзительным холодом – будто сотни ледяных игл впились ей под кожу. Воздух мгновенно вышибло из легких.

Что-то гладкое противно скользнуло по шее, обвило ногу. Хорунна в ужасе распахнула глаза. Кто-то длинный и мерзкий извивался в ее волосах, щекотал лицо. Гигантские пиявки? Осьминожки щупальца? Змеи?..

В глазах у Хорунны темнело. Жизнь покидала ее.

* * *

Очнулась Хорунна снова в сарае. Никакой чокнутой кровососки рядом не оказалось. Сквозь доски сочился дневной свет. Было тихо – только не уснувшая к осени муха жужжала на подоконнике.

Обессиленная Хорунна валялась на соломе, пытаясь восстановить произошедшее. Неужели старуха пощадила ее? Или просто решила, что Хорунна умерла, и бросила ее? И почему она снова оказалась в сарае, как ни в чем ни бывало? Видимо, слуги нашли ее у ручья и перетащили обратно

в сарай.

И откуда только вылезла эта самозванка? Сочинить, что она ее бабка! И эти чокнутые бродят среди них, порядочных полужверей. Такое отребье должны отлавливать и держать вместе с бродячими псами!

И вдруг ее осенила пугающая мысль. А что, если никакой бабки и вовсе не существовало?.. Чем дольше Хорунна мыслями углублялась в произошедшее, тем безнадежнее ускользали детали. Тем больше все казалось только плодом ее ночного воображения. Может, все было только видением разгоряченного лихорадкой мозга? Или она начала терять рассудок, как ее мать?

Если бы Хорунну и впрямь кто-то держал под водой, она бы захлебнулась. Но нет, она жива, хоть и чувствует себя на редкость паршиво.

Да, руки рассекли царапины, но она постоянно обо что-то ранилась. Под ногтями чернела земля – но и сарай не блистал чистотой.

Чем дальше, тем сильнее Хорунна убеждала себя: это был сон. Жуткий, мерзкий, но все-таки сон. И не важно, что выглядел он слишком уж живым. Да и в конце концов, сейчас над ней нависли проблемы посерьезнее зубастой карги. Цех.

Хорунна осознала, что она в сарае не одна – шорох за крупным ворохом соломы выдал полужверя. Она поднялась на ноги и заглянула за копну: здесь на спине лежала ее мать.

Долороса крест-накрест сложила руки в ритуальном же-

сте: она безмолвно молилась. Бледные губы что-то беззвучно бормотали, глаза закрыты. Хорунна отлично знала: она молится за бедовую дочь. Сколько Долороса тут находилась? Весь тот час с тех пор, как Хорунна очнулась?

– Матушка, здесь холодно... Если мы все заболеем – кто станет трудиться в цеху? – по привычке заволновалась о работе Хорунна. Но тут же разочарованно поняла ошибку.

Она потянула мать за руки. Глаза Долоросы резко распахнулись, широко уставившись в потолок. От неожиданности Хорунна даже вздрогнула. Зрачки Долоросы походили на мелкие булавочные головки.

– Не тебе, вырожденка, рассуждать про цех, – все еще лежа, прошипела Долороса очень тихо, но Хорунну оглушили эти слова. Она отпрянула. – Ты опозорила семью перед лицом Земли – как и твой брат.

– Я уважаю Совет жрецов. Но ведь они хотят лишить нас цеха! Дед не для того рук не покладал! Разве это справедливо? – не сдержалась Хорунна.

Ее мать вскочила на ноги и тут же звонко ударила ее по лицу. Да так, что ослабленная Хорунна отшатнулась к деревянной балке.

– Не смей поганым языком трепать память деда! И молчи, когда говорит главная женщина рода! – взвизгнула Долороса. – Отец ушел из-за тебя. Ушел, потому что в семье родилось безобразное дитя. Из-за тебя он до сих пор уверен, что я легла с другим мужчиной, от которого и зачала такого

уродца! Если бы не ты, мой чистородый муж сейчас остался бы с нами! Живи здесь он или мой отец – не стряслось бы никаких бед с цехом. Это ты виновата во всем!

– Я все решу! Я сделаю все, что могу! – стонала Хорунна, но мать не слышала ее. Долороса задыхалась и хрипела от яростного крика. С ее губ, словно кислота, брызгала горячая слюна. Ее лицо жутко перекосилось: одна половина неистововала, а вторая омертвела от паралича.

Каждое слово, что выплевывала Долороса, уже давно сло-ями намоталось на Хорунну, как нить на прялку. С детства мать повторяла ей это раз за разом вместо сказки на ночь.

– Если бы не ты – остался бы жив мой чистородый отец! Ты не спасла его. Он умер из-за тебя. Тебя взяли с дедом в поездку только с одной целью – следить за ним! Но ты даже с этим не справилась. Убийца. Врешь, мол не помнишь, что там случилось. Но я-то знаю, что ты просто наплевала на деда! Все так его любили. А ты убила его!

– Да мне ближе него никого не было! – сипло кричала Хорунна. – На нас напали. Я ничего не могла сделать!

Но Долороса не слышала ее. Острые пальцы больно впились Хорунне в волосы.

– В тебе всегда жил порок. Ты кривая не только снаружи, но и изнутри! И как ты можешь спокойно ходить по цеху, который создал он? Как ты можешь вдыхать цеховой воздух? Воздух здесь не для тебя! Шерсть не для тебя!

– Что еще я должна сделать, чтобы вы назвали меня сук-

новалом?! – Хорунна едва сдерживала слезы, которые уже жгли глаза. Она не имела права заплакать при матери.

Долороса уже вцепилась в ее плечи обеими руками и тряслась, словно плодовое дерево.

– Захотела бумаги на цех! Своего добра не нажила – на чужое заришься!

– Я просто хотела, чтобы в цеху наша семья все вместе...

– Радуйся, что я вообще признала тебя дочерью и дала имя семье Квинта! Но я-то знаю правду – ты не моя дочь. Тебя в колыбель подкинули скверные духи! Я вру честному народу, что мы одной крови. Но внутри тебя течет не кровь, а ядовитая сера. Ты обманом проникла в наш добрый мир! Тебя сюда никто не звал!

Долороса резко замолкла, отпустила плечи Хорунны. Она рассеянно огляделась, будто только что увидела это место, и принялась копаться в карманах.

Она достала и развернула тряпичный сверточек. Внутри хранился стручок красного перца. В ужасе Хорунна не отрывала от него глаз. Она знала, что Долороса любит каждый раз придумывать новые наказания.

– Матушка, зачем это?.. – Хорунна с испугом отступала назад. Долороса задумчиво крутила в руках красный стручок.

– Твой язык стал слишком дерзким. Его нужно усмирить. Ты должна научиться молчать – я преподам тебе этот урок.

С непоколебимой решимостью Долороса двинулась на

дочь. Хорунна сперва помедлила – противиться матери запрещалось. Но затем все-таки ринулась куда смогла – за полки с седлами, за дровяницу.

– Что вы собираетесь делать? Остановитесь! – Хорунна уткнулась спиной в угол. Она схватила со стены грабли, отгораживаясь ими от наступавшей матери.

Но Долоросу грабли не пугали. В водянистых глазах горела безумная решимость.

– Такого животного, как твое, не существует. У тебя нет зверя-покровителя в мире духов. И защитить тебя некому – кроме матери. Не противься – ты станешь лучше в моих руках. Если Земля прокляла меня больным ребенком – я вытку из дрянной пряжи лучшее, что позволит богиня.

Долороса схватилась за древко граблей – и откинула их слишком легко. Не потому, что Хорунна сейчас настолько ослабела. Мать бы она пересилила. Просто в царстве Земли запрещалось противиться воле главной женщины рода.

Хорунна не понимала, что именно на этот раз собирается сотворить с ней мать. Неизвестность наказаний всегда ужасала больше всего. Хорунна вжалась в заросший паутиной угол.

– Мама... Не надо... – шепотом взмолила она. Но Долороса уже ничего не слышала.

Мать зажала Хорунне нос. Ей пришлось распахнуть рот, судорожно выхватить им воздух. В тот же миг на язык Хорунне лег красный перец. Она тут же попыталась выплюнуть

его, но ладонь матери плотно зажала ей рот.

Второй рукой Долороса сняла с собственных волос широкую ленту. Она на удивление ловко и крепко обвязала ткань вокруг рта Хорунны, чтобы та не выплюнула перец. А затем концами этой же ленты соединила ее запястья за спиной.

Хорунна упала на колени. От неистового жжения по лицу градом покатались немые слезы. Во рту разразилось настоящее пекло. Язык будто прижгли каленым железом. Маленький, гладкий перечный отросточек – а сколько боли он способен причинить. Хорунне стало трудно дышать, будто даже нос изнутри опух. Рот заполонила слюна, уже пропитавшая ленту матери.

Жар вместе с невообразимой горечью разошелся по телу Хорунны. Для матери она не отличалась от очередного ткацкого станка, который можно было крутить и так, и эдак. От которого требовалось лишь служить. В царстве Земли любая мать свята, потому что дала жизнь. В царстве Земли любая мать – немного жрица богини.

Долороса же стала удивительно спокойна. Перекошенное лицо озарилось безмятежностью. Холодные губы задумчиво поцеловали Хорунну в красный, покрытый испариной лоб. Затем Долороса присела на лежащее рядом перевернутое корыто.

– Когда ты родилась, то даже не плакала, как здоровые дети, – заговорила Долороса совсем тихо. Отрешенные глаза затуманились. – Мелкая, хилая. Ты смотрела на меня безоб-

разными разноцветными глазами. Дрыгала своими ублюдочными маленькими ножками. Мне хотелось тебя придушить. Тогда я поняла, что мне не нужна дочь уродка. Я отнесла тебя на улицу, чтобы ты заоченела на морозе, чтобы великая Земля забрала тебя обратно под свой подол. В первый раз тебя притащил обратно тотемный зверь, и я выбросила тебя еще раз. Но мой юный Деон, мой сын – совершенный во всем, кроме слабодушия, – зачем-то побежал за тобой в мороз, прямо в одной рубахе. Отчего-то он дорожил тобой даже тогда, в младенчестве. До сих пор не понимаю почему. Деон подобрал тебя, положил у печи. Ты жива только потому, что твой мягкотелый брат умолял сохранить тебе жизнь. Он всегда был слабым. Деон еще месяц болел после того случая. А тебе хоть бы хны, не чихнула ни разочку. Так и хотелось надавить тебе на голову мешком с зерном, чтобы ты перестала дышать. Ведь ты заставила моего мальчика страдать. Помимо молитв Деона, я оставила тебя потому, что ты родилась в святое время – на стыке зимы и весны, ночи и утра. Святое имя спасло тебя от гибели. Это единственная ценность, которая у тебя есть. И это только моя заслуга, что я родила тебя в нужный час. Береги свое имя. Кроме него, у тебя ничего нет.

Сейчас Хорунна не знала, что жжет ее сильнее – перец или слова матери.

Потрепывая в пальцах соломинку, Долороса задумчиво продолжала:

– Никогда я не понимала, как у такой красивой, умной девушки родилась такая дочь? Ты могла бы прославить семью именем – но твое уродство затмило даже его. С ночи твоего рождения я знала, что нам не жить спокойно, пока ты в доме. Я оказалась права. Помеси приносят лишь беды. Вот и теперь ты виновата в том, что нас лишают цеха.

В тот миг Хорунну озарило. А что, если ее мать права? Может, сесть верхом на Грелку и умчаться на другой конец света? Но что она знает в жизни, кроме шерсти? Да и кем она будет там, в чужих краях? Такой же помесью.

– Лучше бы мир никогда не увидел тебя. Но хотя бы себе я смогу облегчить эту долю. Не смотреть на тебя.

Хорунна не поняла, о чем говорит ее мать. Как вдруг Доллороса поднесла к глазам свои ладони – все они измазались перцем. Она коснулась жгучими пальцами век и ожесточенно втерла перцовый жар в глаза. Из них брызнули слезы. Застонав, Доллороса упала на колени, а затем и на спину.

– А-а-а, жжет, жжет, как грех! Я тоже виновата во всем. Я накажу себя-я-я! – Катаясь по соломе, она выла и шипела она от боли. Ногтями Доллороса вцепилась в собственное лицо. – Пусть глаза горят... так же, как мой сты-ы-ыд! О-о-ох! Хоть на время тебя не видеть...

Хорунна не могла выносить страданий матери, жалела ее сильнее себя. Язык – не глаза. Мыча и рыдая сквозь ткань, Хорунна подползла к матери. Она хотела помочь, но не понимала как. Воды в сарае не оказалось.

Она рванула к двери, но та оказалась заперта изнутри. Метнулась обратно к матери, кое-как пытаясь отыскать в ее одежде ключ. Но со связанными руками это оказалось невозможно.

Хорунна уткнулась лицом в дверную щель и попыталась кричать, чтобы позвать на помощь слуг. Но выходили лишь невнятные стоны. Впрочем, даже если слуги ее услышат – они подчиняются Долоросе и не откроют. Помочь мог только Деон. Но стража забрала его в темницу и до сих пор так и не выпустила.

Для каждого ребенка его родители – боги. Даже если эти боги жестоки и безумны.

* * *

За дверью, напрямик ведущей в дом, кричал Деон. По шуму Хорунна поняла: он оттолкнул слугу. Тот по приказу матери никого не пускал в сарай. Деон отпер дверь и распахнул ее с таким грохотом, что та грозила сорваться с петель. Красный, он ворвался в сарай, словно ураган. На скуле у него запеклась кровь, на высоком лбу чернел синяк.

Глаза Деона горели неистовством. Он ошеломленно оглядел сестру и мать.

– Да какого скверного духа здесь творится?! – зарычал он.

Хорунна просто валялась в углу, как забытая ветошь. Все еще связанная, с перцем во рту. Она научилась жить с болью

– своим старым спутником.

В такие минуты она представляла, что настоящая Хорунна отдельно, а тело – отдельно. Что тело – это совсем не ее. Так, ветхий панцирь от жука. Она давно поняла: тело – только источник страданий. Мало того, что ему постоянно нужно есть или спать, держаться в тепле. Так через него еще и можно влиять на нее, настоящую Хорунну. Болью выжимать из нее нужные слова и действия – как это делала мать. А такое тело, как ее, было вдвойне нежеланным. Именно оно стало источником всех страданий. Выгляди ее тело иначе – беды бы исчезли. Хорунна лишь гостила в нем, как незваный чужак. Она не хотела больше чувствовать ни боли, ни удовольствия.

Деон растерянно переводил глаза со связанной сестры на стонущую мать – напряженно размышлял, кого же спасти первой. И, наконец, кинулся к матери.

Едва Деон коснулся Долоросы, попытавшись поднять, она обезумела. Начала лягаться, верещать что-то несуразное, пнула Деона копытом в голень. Тот безмолвно взвыл сквозь зубы. Он выволок беснующуюся Долоросу из сарая и вверил кому-то из слуг. А затем вернулся, чтобы развязать сестру:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.